

СУННАТУЛЛА АНАРБАЕВ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТУРТКОЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

27

Экспертизадан утказилди
УМКХТБнинг 19.07.2006 йил

7
4
9

108-буиринга асосан

Компесизацияси

[Signature] Уриданова Г.Т.

[Signature] Уриданова Д.А

[Signature] Моисердиева Ф.

[Signature] Асанова И.Н.

[Signature] Пирожкова Н.Б.

[Signature] Абдуллаева Д.Р.

с(узи)2
А-04

М.С.Б. 05/1885

ОПИСАНО

Б.О.

Суннатилла
Анарбаев

[Handwritten signature]

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТУРТКОЗА

ук 01

П О В Е С Т И

386

Перевод
с узбекского
Эрвина
Умерова

ТOSHKENT SHAHAR YASHNOBOD TUMANI
№ 31 185
AXBOROT-KUTUBXONA MARKAZI

МОСКВА

„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

1977

1882

ХАМЗА МАШШИЙ ХИЗМАТ
КУРСАМИШ КХК
АХБОРОТ-РЕСУРС
МАРКАЗИ

C(Узб)2
А64

РИСУНКИ А. МЕЛИХОВА

БИБЛИОТЕКА
ИМ. М. ГОРЬКОГО

А 70802—324
М101(03)77 310—77

© Перевод на русский язык. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТУРТКОЗА

I. «МАЛ ТЫ ЕЩЕ, СЫНОК!» — СКАЗАЛА МАМА

Люди назвали его Турткбозом, то есть Четырëхглазым, потому, что на лбу у него были два маленьких белых пятнышка, и правда очень похожих ещё на одну пару глаз; старшего брата нарекли Куппакком, а маму уже давно все звали Алапър. За щенками присматривал Карабай, краснощёкий мальчик, сын чабана. Это был очень хороший мальчик, всегда улыбался, и ласковый. Но зато Куппак отличался заносчивостью, просто и не говорите какой! По поводу и без повода рычал, будто готов был разорвать всех на куски. А сам такой маленький, не больше детской меховой шапки-ушанки. Он даже Карабаю показывал свои клыки, хотя тот не бил его, не ругал, а угощал всегда чем-нибудь вкусным. В такие ми-

пути Алапар, мама Куппака, тихо рычала и глядела на сына строгими глазами. Она как бы говорила забияке: «Разве так можно, сынок? Люди к тебе с добром, а ты кусаться готов! На добро надо отвечать добром, это издавна принято в нашем, собачьем, племени». Но Куппак был упрямый и глупый и мамы своей не понимал. Он всё старался цапнуть Карабая за руку, тем более что тот не сердился, а смеялся и дразнил щенка. Куппак выходил из себя, заходился лаем. Тогда Алапар сердилась всерьёз, хватала зубами нахала за ухо, дёргала несколько раз: «Лежи смирно, не то схлопочешь у меня!» Если Куппак и после этого не переставал, мама Алапар обиженно опускала тяжёлую голову и трусила вон из загона, где находился их дом-конура, сколоченный из неструганых досок. Алапар отбегала как можно дальше, забиралась под кусты, ложилась, свернувшись в клубок, и устало закрывала глаза. Но стоит ли говорить, что с такими несмышлёными не уснёшь — ни минуты покоя не дадут. Только прикорнёшь, а они тут как тут: подавай им есть. Особенно Куппак — ужасный обжора. Где ни спрячешься — везде найдёт. Насытится молоком, станет толстым, как полный бурдюк, и опять начинает шуметь, пугать уснувших в загоне овец. Зарычат на него: «Эй, невежа, замолчишь ты или нет?» — он на миг вроде бы угомонится, притихнет, но потом опять за своё — лает, воет, визжит и нипочём ему, что чужой покой нарушает. Такой уж у него характер. Эгонст он и очень уж сварливый.

Турткоз совсем другой. Степенный и мудрый не по годам. Кажется, что он вечно только лежит, молча прижавшись к тёплому боку мамы, дремлет и видит какие-то сны. Но это обманчиво, он очень чуткий, улавливает малейший шорох или незнакомый запах и тут же вскакивает на ноги, готовый к бою. Однако шум поднимать не спешит. Лает только тогда, когда видит, что это нужно. Необходимо. Очень умный щенок Турткоз. Если случается, что ему кто-то что-нибудь говорит, а он не понимает, о чём речь, обязательно старается разгадать по глазам говорящего. Поэтому хозяева Турткоза,

Карабай и его папа, очень любят щенка. Они иногда кличут его не Турткозом, а Сергакком, то есть Чутким, но он всё равно понимает, что говорят именно о нём, и молча подбегает на зов, помахивая хвостом.

Когда Турткоз слинял и у него потом выросла новая чёрная, как воронье крыло, блестящая и переливающаяся шерсть, Карабай и его папа-чабан разобрали юрту, навьючили её на лошадей, согнали всех овец вместе и повели их под гору. По дороге им повстречались такие же отары, рядом с которыми скакали на конях мальчишки, похожие на Карабая, и степенно ехали чабаны, похожие на его папу. Они курили длинные папиросы, весело смеялись, что-то кричали, показывая плетью куда-то вдаль. Сколько Турткоз ни всматривался вперёд, ничего он там интересного не увидел, кроме множества белых пятнышек в зелёной равнине, начинавшейся от самого подножия гор. Эти пятна всё росли, росли и вскоре обернулись большими белыми юртами. Но юрты эти почему-то были не круглые, как там, в горах, и крыши у них блестели до того, что глазам делалось больно.

Их встречали. Много, очень много людей их встречало. Были здесь и дяди, похожие на чабанов, только они почему-то почти все ходили с длинными сучковатыми посохами; были мальчишки, похожие на Карабая, но не такие чёрные, как он, и не такие добрые и весёлые; были тут ещё очень красивые люди, в очень красивых, разноцветных одеждах. Турткоз узнал, что их зовут «женщинами» и «девушками». Смеялись они очень нежно и приятно и радостно обнимали чабанов и мальчишек вроде Карабая и целовали их. Здесь же Турткоз услышал слово «кишлák» и понял, что теперь они будут жить в кишлаке. Потому что во дворе, куда они вошли вслед за Алапар и за навьюченными лошадьми, он тотчас заметил большую конуру, такую же, какая у них была в горах. Только эта была выкрашена в весёлый зелёный цвет. Значит, теперь их дом будет здесь.

Вскоре большое рыжее солнце потускнело и закатилось

где-то вдали, за домами. Однако в кишлаке не стало темно, как это обычно бывало в горах. На улице и в домах вспыхнули маленькие яркие светильники, но они были ярче любого большого костра. Турткоз удивился этому, но беспокоиться не стал — хозяйева, конечно, понимают, что делают. К тому же давала о себе знать усталость — немалый путь они прошли сегодня. Турткоз прижался потеснее к маме Алапар и забылся глубоким сном.

Утром, чуть свет, Турткоз проснулся от громкого человеческого голоса над самым ухом. Щенок настороженно вскинул голову, мускулы его напряглись. Говорили где-то на улице. Голос был незнакомый и не сказать чтобы ласковый. А вдруг это кто-то чем-то грозит хозяину или белозубому Карабаю?

Турткоз крадучись обошёл двор, выглянул из калитки. Поблизости никого не было. К тому же и голос умолк. Кто знает, может, человек учуял Турткоза и спрятался?.. Или испугался и убежал?

Щенок уже хотел было уйти восвояси, но голос опять зазвучал. Турткоз вздрогнул, шерсть у него на загривке вздыбилась, и он залился громким лаем. Человеческий голос доносился из тарелки, похожей на ту, в какой им, Турткозу и Куппаку, давали вчера есть. Тарелка висела на высоком дереве без веток и, невзирая на лай щенка, продолжала сыпать слово за словом. Обозлённый, Турткоз затыкал пуще прежнего. Вдруг ему показалось, что кто-то яростно вторит его лаю. Оглянувшись, Турткоз увидел Куппака. Тот тоже надрывался изо всех сил, только он лаял не на тарелку, а неизвестно на кого. Тут из калитки выглянул Карабай, посмотрел на кутят, потом на чёрную говорящую «тарелку» и громко расхохотался. В это время голос умолк, может, наконец испугался? А чуть спустя полились какие-то незнакомые, чудесные, обволакивающие тёплыми, нежными волнами звуки. Турткоз примолк. Он понял, что в чём-то оплошал, уподобился своему сварливому братцу Куппаку и, пристыжённо опу-

стив голову, затрусил к зелёной конуре, где спокойненько дремала мама Алапар. Лёг к ней под бочок, потёрся носом о приятно пахнущую шерсть и подумал: «Кто это, интересно, такой большой, спрятался в малюсенькой тарелочке? И что за чудесные звуки полились потом? У меня от них даже весь страх и злоба прошли».

А Куппак, разумеется, ещё долго разорвался у столба с тарелкой...

Прошло время. Как-то в дом Карабая заявился толстый усатый человек с узелком под мышкой. От узелка пахло кровью. Учуяв этот запах, мама Алапар недовольно оскалилась. Человек вывел из хлева жирного барашка и годовалого телёнка, отвёл в дальний конец сада, за которым начинались поля, убегающие к горам. Потом развернул свой свёрток, в котором лежали длинные, сверкающие, как солнце, ножи и ещё какие-то предметы. Куппак и Турткоз поотстали, потому что испугались, а мама, та даже не выглянула из конуры, сделала вид, что спит, хотя кожа у неё над носом то и дело судорожно дёргалась.

Куппак и Турткоз не выдержали, запах свежей крови зывал их. Они побежали в конец сада. Там после мясника остались потроха. Щенята с жадностью набросились на них. Потом они увидели ямку, а в ней — кровь. Первым подбежал к ямке Куппак, но Турткоз, сделав несколько несмелых шагов, остановился. Он вдруг вспомнил маму, вспомнил, как у неё подёргивался нос. А ведь и она могла прийти сюда, полакомиться свежими потрохами. Но она даже из конуры не вылезла.

— Иди, недотёпа, иди похлебай свежей крови,— крикнул мясник Турткозу, показывая длинным ножом на яму. Куппак подумал, что это ему говорят, поднял голову. Вся морда у него была вымазана. Турткозу даже противно стало, он повернулся и затрусил к маме...

На другой день к дому Карабая отовсюду начали стекаться люди. Кто пешком шёл, кто ехал верхом на лошади

или на осле, а кто и в машине прикатил. Алапар не обращала на них никакого внимания, хотя раньше, в горах, незнакомых людей и близко не подпускала ни к юрте, ни к загону, готова была разорвать на части. А сейчас она молчала. Значит, так нужно, решил Турткоз, и тоже не стал волноваться. Турткоз-то решил так, но Куппак!.. И не рассказать, что он выделывал! Кидался на всех подряд, выл, лаял, поджав при этом уши и разгребая задними ногами землю, в общем, делал всё, точно хотел кому-то доказать, что злее его на свете нет.

Люди не обращали на Куппака никакого внимания, но он всё равно лаял и лаял, кидался и кидался, хотя знал, что дождаться себе долго люди не позволят. Так оно и случилось: из дома вышел Карабай и направился к Куппаку. Но Куппак, хитёр же, бестия, сразу перестал лаять, побежал навстречу хозяину, виляя хвостом, игриво топорща уши: я, мол, ничего не делаю, просто забавляюсь со скуки. Карабай кинул Куппаку большой мясистый мосол, точно в награду за хорошее поведение. Куппак ловко подхватил мосол и дал дёру. Вот так. А Турткоз остался ни с чем. Только печально поглядел вслед брату.

Карабай понял, что обидел Турткоза, обделив его. Покопался в кармане брюк, вынул кусочек сахару и кинул ему. Турткоз с хрустом съел сахар — до чего же сладко, вкусно! Какой чудесный всё-таки мальчишка этот Карабай! И нарядный он сегодня, как никогда: сапожки на ногах сверкают, как весеннее солнце, зелёный бекасамовый чапан¹ перевязан таким ярким поясным платком — бельбáгом, что кажется, на него сели все разноцветные бабочки горного пастбища — яй-лау. На голове — пушистая лисья шапка. Лицо раскраснелось, глаза улыбаются — доволен Карабай, счастлив! Он ласково потрепал Турткоза по загривку, погладил по голове и сказал:

---

¹ Бекасамовый чапан — ватный стёганный халат из шёлковой ткани.

— Праздник сегодня, Турткоз, большой той! Радуйся, малыш!

И хотя Турткоз впервые слышал слово «той», понял, что это очень хорошая вещь — праздник.

Вот он каким был, праздник. Вечером на кишлáчной площади разожгли большой костёр. Собралось много-много народу, те люди, которые приехали днём на конях, ослах и в машинах, тоже пришли сюда. Какой-то парень начал всю колотить огромными ручищами по дойрè: така-така-тум, така-така-тум! — а вокруг костра плясали красивые юноши и девушки. Турткозу очень понравились их плавные, мягкие, в то же время быстрые движения. Он до того увлèкся, что хотел встать на задние лапы и тоже пуститься в пляс, но тут же шлèпнулся на землю, смутился и больше не пытался подражать танцующим. Только смотрел на них, подобравшись поближе к костру.

После этого один молоденький парень взял в руки что-то, похожее на посудину из тыквы, в которой таскали воду на яйлау. Только у этой тыквы ещё была длинная ручка и на неё натянута проволока. Вот по ним-то и забегали, запорхали пальцы юноши, и в воздухе опять поплыли чудесные, завораживающие звуки, какие совсем недавно лились из той самой чёрной тарелки, висевшей на столбе. Люди вдруг приумолкли, стали печальными, задумчивыми.

— Прекрасная мелодия! Так за душу и берёт! — вздохнула какая-то женщина. И Турткоз понял, что самые хорошие вещи на свете — это той, мелодия и ещё когда красивые юноши и девушки пляшут вокруг костра.

Куппак, видно, тоже не остался безучастным к мелодии: принялся подвывать юноше. Мама Алапар ударила его ладью, чтоб не мешал слушать. Когда парень умолк, в круг вышел высокий бородатый человек с большой медной тарелкой в руках. Он останавливался возле каждого человека, смотрел требовательным взглядом и говорил:

— Бросайте кто сколько может. И сладкоголосый соловей

нуждается в деньгах, потому как душа требует улады, а желудок пищи.

И загорелые чабаны, и их жёны, разодетые в яркие цветастые платья, и даже мальчишки, вроде Карабая, кидали на медный поднос какие-то бумажки, что назывались «деньги». И чем больше росла горка этих бумажек, тем быстрее приговаривал Бородач:

— Бросайте, бросайте, не жалейте, дорогие товарищи передовики-животноводы! Ведь в этом году вы получили по сто ягнят от ста овец — прибыль-то какая!

Потом парень, который играл на «тыкве», запел. Да так сладко, так протяжно, что Турткоз тут же назвал его про себя «сладкоголосым». А Бородач тем временем, отойдя в укромный уголок, жадно пересчитывал деньги.

С рассветом Алапар отправилась вместе с отарой на пастбище. А Куппак и Турткоз спали, пока им не надоело. Выбравшись наконец из конуры, они увидели, что Бородач, который вечером с тарелкой в руках обходил людей, и отец Карабая идут к ним. Куппаку, видно, показалось, что их угостят чем-то, и, чтобы успеть подхватить самый лакомый кусочек, он помчался им навстречу. Подбежал, стал тереться о ноги хозяина, всю махая хвостом. Бородач взял его на руки, осмотрел со всех сторон, даже палец засунул в рот, трогая зубы. Потом погладил по голове, что-то сказал отцу Карабая. Они повернулись и пошли обратно к дому. А Куппак так бесстыдно развалился, лёжа на руках незнакомца, что даже язык вывалил из пасти. Турткоз отвернулся, словно хотел сказать: «Фу ты, даже противно смотреть, как подлизывается!»

Вскоре Бородач унёс Куппака из дома.

Мама Алапар вернулась поздно вечером. Турткоз выбежал ей навстречу, повилял хвостом, как бы говоря: «Добрый вечер». Мама ласково куснула сына за ухо, потом ткнулась в сторону, точно хотела там что-то найти. Но вокруг было пусто. Алапар настороженно огляделась. Не нашла того, что искала. Тихонько повизгивая, обежала весь двор. Голос её

стал жалобным, горестным. Какое-то время Алапар стояла, понурившись, потом сорвалась с места и вылетела со двора...

Вернулась мама поздно ночью, усталая, печальная. Даже не глянув на миску с похлёбкой, легла на голую землю у конуры. И всю ночь тихонько скулила, крупные капли слёз скатывались из её глаз. Тогда-то Турткоз и понял, что она искала глупого Куппака. И ещё Турткоз понял, что лишился брата, и ему стало грустно и одиноко. Да, не всегда он ценил Куппака. А ведь с ним было не так плохо и уж скучать не приходилось. Они бегали вперегонки, боролись, понарошку покусывали друг друга, барахтались в пыли, выкидывали разные штуки. Теперь вот он, Турткоз, остался один. Попробуй поиграть с жирным, как баран, чёрным котом, который вечно лежит, растянувшись на солнце, распушив свой грязный хвост. Он шуток не понимает и скор на расправу: как царапнет своими когтищами — будь здоров! Вмиг может клочок шерсти вырвать, а то и глаз!

Тут вообще не с кем дружить, все ужасно драчливые. Вчера вон хотел Турткоз просто так, из любопытства, подойти к белой курице. Она гуляла у реки со своими маленькими, жёлтенькими цыплятами.

Увидев его, эта белая злюка нахохлилась, раскудаhtалась, налетела да ка-ак долбанёт по лбу своим клювом, что у бедняги Турткоза искры из глаз посыпались. До самой конуры бежал, всё повизгивая. И боялся оглянуться, чтобы злюка-квочка, чего доброго, опять не тюкнула его по лбу! Как назло, и Карабая нет дома. Он теперь с самого раннего утра куда-то уходит, закинув за плечо чёрную блестящую сумку...

Вскоре сильно похолодало. У Турткоза к этому времени заметно выросла шерсть, и заморозки ему теперь были не страшны. Турткоз стал ходить вместе с мамой Алапар на пастбище, помогать чабанам пасти овец. И в один из дней он увидел волка. Да, да, настоящего, живого волка! Турткоз

даже лаял на него, сердито лаял, взахлёб. Правда, стоял он при этом позади взролых собак, и, когда те кинулись преследовать серого злодея, Турткоз с места не тронулся. Почему, спросите вы? Да потому, что очень уж противный был этот волк, отвратительный даже. Большой такой, тощий — одни рёбра торчат. Шерсть на нём грязная, ужасно воняет и вся клочьями, кривые, острые клыки сверкучие, как ножи у того самого мясника, а глаза — злые-презлые и кровью налитые... Бр-р-р!

По тому, как метались овцы, ярились волкодавы, суетились чабаны, Турткоз понял, что волк — это самый главный его враг. Враг и людям, и овцам. Он, Турткоз, сегодня струсил. Спрятался за сильных собак. Интересно, что будет, если когда-нибудь он столкнётся с волком один на один? Неужели опять хвост подождёт?..

Турткоз долго думал об этом, устремив печальный взгляд вдаль. И тут мама Алапар лизнула его ухо, точно хотела сказать: «Не переживай, сынок. Ты не трус, ты просто мал ещё. Всему своё время».

Как бы сделать так, чтобы поскорее вырасти, смело встретиться с таким страшилищем, как сегодняшний волк, и задать ему хорошую трёпку?..

II. ТОЛСТАЯ ВЕРЁВКА, ЖЕЛЕЗНЫЙ КОЛ И ТЕСНАЯ КЛЕТКА

Карабай был в одной рубахе. Светило солнце, дул тёплый ветерок. Небо было чистое, голубое. Карабай бежал по лугу, разматывая в руке катушку. Змей, привязанный к концу нитки, устремлялся всё выше и выше. Турткоз сидел неподалёку на задних лапах и, высунув язык, смотрел, как кувыркается в бездонной синеве ярко раскрашенный змей — человечьи глаза, рот, нос и длинная борода, — то падая вниз, то взмывая вверх.

Весь вид Турткоза выражал восторг и восхищение.

Вдруг позади раздались тяжёлые шаги. Турткоз недовольно оглянулся — кто это посмел им мешать? К нему приближался высокий, грузный человек с красным широким лицом и большими, загибающимися кверху чёрными усами. От человека волнами наплывал запах крови. Турткоз узнал человека — это был мясник, тот самый мясник, который совсем недавно зарезал жирную овцу и годовалого телёнка и их кровью угощал Куппака да ещё и ему, Турткозу, предлагал!

«Ага, попался мне наконец, убийца! — подумал щенок, наливаясь яростью.— Ведь ты — один из главных врагов овец и телят! Чабаны их растят, как своих детей, пестуют и холят, а мама Алапар и другие собаки охраняют, не зная ни сна, ни покоя, а ты их режешь, убиваешь! Ты тоже волк! И не будет тебе пощады! Сейчас я с тобой расправлюсь!»

Никогда ещё на Турткоза не находила такая злоба: он угрожающе зарычал, оскалился и бросился на мясника. Тот не ожидал нападения, но вовремя увернулся и пинком отбросил щенка назад. Турткоз вскочил на ноги, опять кинулся на врага, глядя прямо в его колючие, жёсткие глаза. Жалко, очень высоко они находятся. Не достать, не то...

Мясник выхватил из ножен длинный сверкающий нож, тот самый, которым совсем недавно зарезал овцу и телёнка, изготовился. Но тут подоспел Карабай, встал между ними. Турткозу пришлось отступить, недовольно рыча. Он не считал себя побеждённым.

Карабай о чём-то поговорил с мясником, потом привязал нитку от змея к животу Турткоза и, успокаивая его, ласково потрепал по шее.

— Побудь здесь, Турткоз, я сейчас вернусь. Провожу только дядю.

Турткоз прилёг на тёплую землю. Змей, привязанный к нему, гремел в вышине, туго натянув нитку. Турткоз смотрел ввысь, но думал о своём. Щенок чувствовал, что на него надвигается какая-то беда, но предотвратить её он не в силах.

Вечером вернулись отары, заполнив окрестности гомоном и бляением. В калитку вошли Алапар и отец Карабая. Турткоз сразу успокоился. К тому же он ещё днём видел, что мясник мирно возлежит в комнате для гостей, развалясь на нескольких подушках, и прихлёбывает из пиалы чай и совсем не похож на человека, который замышляет что-нибудь плохое.

Но наутро мясник снова появился во дворе. Теперь уже не один, а вместе с отцом Карабая. Громко разговаривая, раскатисто смеясь, он чувствовал себя как дома. Но вот мясник увидел Турткоза и уставился на него, точно так, как, наверное, смотрит обычно на жирную овцу или телёночка, которого ему предстоит зарезать, примериваясь на глазок, сколько будет в нём чистого веса. Турткоза опять захлестнула злоба. Он изготовился к прыжку, зарычал. А мясник вроде бы даже обрадовался, видя, какой щенок злой. Стал что-то с жаром доказывать отцу Карабая, показывая на Турткоза. Похоже, расхваливал его, убеждал пастуха в том, что из такого щенка обязательно вырастет умный, чуткий и злой пёс, верный своему хозяину. Кому, скажите, не польстит похвала? Но Турткозу лесть мясника была вовсе не по душе. Он опять зарычал, но старый чабан посмотрел на щенка строго, погрозил пальцем, веля лежать смирно.

Турткоз нехотя лёг на место. Отец Карабая поговорил с мясником ещё немного, потом позвал Турткоза. Тот сделал вид, что не слышит.

— Турткоз, кому говорят: ко мне! — негромко, но властно повторил хозяин.

Щенку волей-неволей пришлось встать и подойти к хозяину. Он знал: отец Карабая, этот огромный, сильный человек, способный под каждой подмышкой унести по овце, очень добрый, никогда ни на кого не повысит голоса, никого не обидит. А Турткоз ему ничего плохого не сделал, значит, и опасаться нечего.

Мясник достал из-за пазухи моток верёвки, протянул отцу

Карабая. Тот молча взял верёвку, ловко обвязал один конец её вокруг шеи Турткоза, затем выпрямился и сплюнул в сторону. Щенок ещё ни разу не чувствовал, что это такое — петля на шее, и теперь он очень удивился. Его точно собирались душить или водить на поводу, как ту самую бодливую козу, что ходит впереди отары. Верёвка сильно жала горло.

И эдакое сделал с ним, Турткозом, отец Карабая, этот могучий и добрый человек, которого щенок так любил!

Хозяин отвернулся, словно не хотел встретиться с ним взглядом. Турткоз тяжело, совсем как человек, вздохнул, сел на задние ноги. Он понял: пришла беда и ничего тут не поделаешь.

— Забирайте и уезжайте поскорее,— мрачно сказал старый чабан.

— Я не знаю даже, как вас благодарить... Вы меня просто благодетельствовали... Знаете, в лучшие руки, чем мои, вы не могли бы его отдать! Я буду ухаживать за ним, как за родным сыном...

Отец Карабая нетерпеливо махнул рукой.

— Прошу вас... уезжайте.

Тихо урча мотором, подошла длинная белая машина. Такие Турткоз видел уже много: на стойбище в горах, во время тоя и просто на улицах кишлака.

Отец Карабая поднял Турткоза на руки, погладил его по голове, что-то прошептал (щенку послышалось, что он сказал: «Прости меня, малыш!»), опустил на заднее сиденье машины. Мясник, держа свободный конец верёвки в руке, тоже вошёл в машину, сел рядом. Турткоз решил, что не всё ещё кончено. Хотел было одним прыжком выскочить в окно, но ударился лбом о что-то прозрачное и твёрдое, упал обратно. Странное дело — всё видно: дома, деревья, отца Карабая, а выйти нельзя. Перед тобой словно прозрачная, невидимая стена. Турткоз жалобно глянул на хозяина. Тот поспешно отвёл глаза, а потом и вовсе отвернулся. Машина плавно тронулась. Не зная, что делать, щенок беспокойно заёрзал на

месте. Хуже всего было то, что бежать некуда: ни через окна, ни через двери.

— Лежать! Лежать! — злобно прикрикнул мясник.

Турткоз поднял голову: взгляд этого человека, как ножом, дырявил насквозь. Делать нечего: тихо, почти про себя, простонав, щенок упал брюхом на сиденье.

«Волга» мягко покатила прочь от дома и вскоре, выбравшись из кишлака, поехала мимо садов, полей и арыков. Вдали синели горы, где на яйлау родился Турткоз и резвился с Купаком. Машина вылетела в голую степь и помчалась по ровной, как стрела, бесконечной дороге. Не сбавляя хода, проехала через несколько кишлаков, полезла на холм, свернула влево и въехала на другую дорогу, более широкую и оживлённую. Машин здесь было полным-полно, и все они ехали почти впритык друг к другу. Турткоз закрыл глаза, он испугался, что их машина столкнётся с одной из них. Но нет, каким-то чудом машины даже не касались друг друга.

«Волга» много петляла по запружённым людьми и машинами улицам, подолгу простаивала, пропуская их перед собой, и наконец остановилась у каких-то широких красных ворот. Со двора с криком «Пана приехал!» выбежал мальчик. Он был примерно такого же роста, что и Карабай, но очень уж худой и бледный. Мясник вылез из машины, вытянул вслед за собой Турткуза.

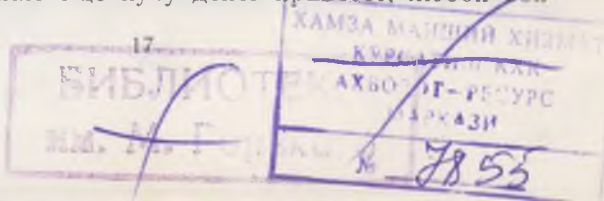
— Гляди вот, сын, щенка привёз тебе в подарок. Притом задарма достался он нам.

Мальчик радостно захлопал в ладоши.

— Ой, какой хороший пёсик!

Мальчик этот несколько не походил на Карабая, но чем-то понравился Турткузу. Быть может, тем, что глаза его были ясные и чистые, не как у папы-мясника, и ещё тем, что обрадовался ему, Турткузу, от всей души.

— Чистый волкодав, — горделиво произнёс мясник, поглаживая длинные, как у кота, чёрно-золотистые усы. — Отличная будет собака. Она нам ещё кучу денег принесёт, любой сой

выиграет. Только её воспитать надо. А этим уж я займусь как полагається, можешь быть уверен.

Человек этот говорил так, будто во всём была его личная заслуга: и в том, что Турткоз родился чистым волкодавом, и в том, что он вырастет отличной собакой.

Турткоз не любил бахвалов — отвернулся, лишь бы не видеть мясника. А мальчик всю смотрел на щенка широко открытыми, радостно-удивлёнными глазами.

Селение, куда привезли Турткоза, называлось «городом». Большинство домов здесь стояли почти впритык, высокие, со множеством окон друг над другом. Только в районе, который назывался «Старым городом» и где жил мясник, были небольшие дома с двориками.

Людей в городе — видимо-невидимо. Улицы полны машин, как реки водой. Только машины бегут здесь не в одну сторону, как вода в реке, а в обе — один поток несётся вниз по течению справа, другой — ему навстречу слева. С наступлением темноты вспыхивает столько ламп, что становится светло, как днём в солнечную погоду. Детишки, так же как Карабай, рано поутру уходят в школу, закинув за плечо чёрную блестящую сумку. Только, кажется, никто из них не умеет запускать воздушного змея. Наверное, именно поэтому они собираются кучками и с криками гоняются за кожаным мячом, и это у них называют мудрёным словом «футбол».

В городе было чисто, красиво, оживлённо. Турткозу здесь нравилось, но вот если бы только... Если бы только он не скучал по родному дому. Он тосковал по маме Алапар, по Карабаю, по острому, приятному запаху овечьей шерсти и зелёному бескрайнему пастбищу...

На новом месте щенка никто не обижал, даже уса́тый мясник на поверку оказался не таким уж страшным. Он каждый день приносил Турткозу почти целый мешок потрохов, мясистых косточек и хрящей: ешь — не хочу. А сын мясника, Тургун, так звали его, тот вообще души не чаял в нём. Называл разными ласковыми именами, водил с собой гулять.

Но Турткоз всё равно тосковал. Даже обильная еда не радовала его. Недаром, видно, говорят, что хлеб чужбины не имеет вкуса. Не нравилось щенку ещё одно: верёвка, которой он был привязан к железному колышку, вбитому в землю возле каморки. Турткоз в первый же день попытался оборвать её: разбежался, прыгнул вперёд... и свалился на бок. И шею туго стянула петля, стало трудно дышать, перед глазами поплыли какие-то точки. Больше он не решился повторять такое. Попробовал кол перегрызть. И опять неудача — чуть зубы не сломал. Тогда Турткоз стал злобно лаять, кидаясь на все звуки, выть по ночам, глядя на звёздное небо, нарушая покой соседей и хозяев. Ничего не вышло. Никто и не подумал выпустить его на волю. Только мясник задал хорошую трёпку. Но это не сломило щенка: он никак не мог смириться с тем, что приходится жить вдали от просторов яйлау, бескрайних зелёных полей.

Отчаявшись, что не может избавиться от подлой верёвки и железного кола, щенок залёг возле своей каморки, на голой земле, и безучастно лежал несколько дней подряд. Из глаз его текли крупные капли слёз, и он не притрагивался к еде, которую ставили в миске перед ним.

Однако голод тоже не помог. Турткоз только похудел, обессилел, и шерсть на нём спалась, повисла грязными комочками. В один из этих дней щенку приснился его брат, Куппак. Они будто бы ещё совсем маленькие. Гонимые друг за другом, заскочили в соседский двор, увидели висевшую на верёвке козлиную шкуру. Быстро стащили её и давай носить по улице! За ними с криками гонялась старая худая женщина: «Оставьте шкуру, негодники! Отдайте, вам говорят!» Вдоволь набегавшись, они с Куппаком бросили шкуру и поспешили домой. А там, в зелёной будке, спала мама Алапар...

Интересно, где-то теперь Куппак? А мама Алапар небось совсем осиротела, бедняжка: сразу лишилась обоих сыновей. Карабай тоже, наверное, переживает. Он не хотел отдавать щенка мяснику, поэтому сказал тогда, на лугу: «Побудь здесь,

Турткоз, я сейчас вернусь. Провожу только дядю». Точно, он хотел его выпроводить. Эх, хоть бы одним глазком посмотреть на маму и Карабая, побегать по яйлау, вдыхая свежние запахи трав и зелени, слыша свист ветра в ушах! И потом, так уж и быть, можно было бы смириться с этой ненавистной верёвкой, с толстым железным колом и тесной, тёмной каморкой...

III. ОПАСАЯСЬ ДОЖДЯ, ПОПАЛ ПОД ГРАД

Нет, никогда он не смирится со своей участью, не сможет жить в этой тесной конуре, в этом тесном дворе, вечно привязанный к железному колу! Обязательно убежит отсюда. Рано или поздно, но обязательно убежит. Он ещё не знает, как это сделает, но уже твёрдо решил — убежит.

Щенок вошёл в конуру, лёг на соломенную подстилку, начал устраиваться поудобнее. В бок впилось что-то твёрдое и шершавое. Турткоз злобно куснул. Оказалось, это ненавистная верёвка! Турткоз изо всех сил впился в неё клыками и почувствовал, что она не такая жёсткая, как пол, что она поддаётся его зубам! Поняв это, щенок принялся яростно грызть своего врага. Он её грыз, быть может, час, два, возможно, и целый день. А когда пути наконец разорвались, во дворе стояла глубокая ночь. Дом был погружён в тишину. Над запертой калиткой горела тусклая лампочка. В небе перемигивались холодные звёзды. Раздумывать щенок не стал: разбежался и в один прыжок оказался на дувале — невысоком глиняном заборе. Потом он соскочил вниз, на улицу. И вот она, долгожданная свобода!

Ах, это ни с чем не сравнимое чувство свободы! Турткоз короткими, сильными прыжками побежал по улице. Он и представления не имел, куда бежит. Затёкшие, онемевшие ноги легко несли его, и он летел куда глаза глядят, лишь бы чувствовать, что он свободен и силен! Щенок останавливался лишь на поворотах, у перекрёстков, понимая, что осторож-

ность всё-таки не помешает. Выяснив, что ему ничто не грозит, Турткоз нёсся дальше. Прыжки его были сильными и упругими, и он не сомневался, что рано или поздно домчится до конца улицы, а там и дорогу домой в кишлак отыщет. Да, там, дома, так оно и было: вместе с селением кончалась и улица, а дальше начиналось открытое поле. Но здесь оказалось всё иначе. Одна улица сливалась с другой, а чуть погодя от неё отбегали ещё несколько улиц в разные стороны. Поди угадай, которая из них ведёт в твой родной кишлак!..

Краяшек неба медленно светлел — наступал рассвет. А Турткоз всё ещё бежал. Он устал, во взгляде его появилась растерянность. На улицах показались первые прохожие. С каждой минутой их становилось всё больше и больше. Заметив щенка, горожане испуганно шарахались в стороны, что-то кричали ему вслед, кидались камнями. Видно, принимали Турткоза за бродячую бешеную собаку. Раз наперерез ему выскочил человек с недлинной блестящей палкой в руках. Приложил он её к плечу — и из палки с грохотом вылетело пламя, что-то тонко и противно просвистело над самой головой Турткоза. Щенок резко свернул в первый попавшийся переулок... его спасло только чудо: колёса какой-то огромной машины, протяжно извизгнув, застыли перед самым его носом. Турткоз отпрянул назад, не веря, что счастье не покинуло его и он и на этот раз избежал опасности. Но именно в этот момент сверху на него упала густая вонючая сетка. Щенок запутался в ней, упал, больно ударился головой о что-то твёрдое. Когда Турткоз пришёл в себя, он уже был связан и брошен на арбу с крытым верхом. Рядом с щенком валялись ещё две собаки. Дворняжки. «Кто это нас схватил? Куда нас везут? Что с нами сделают?» — спросил Турткоз одними глазами. Дворняжки не ответили. Они, видно, уже заранее распростились с жизнью. Щенок отвернулся. Нет, сдаваться так легко он, Турткоз, не собирается.

Арба долго скрипела по шумным городским улицам, потом въехала в какие-то ворота, остановилась. Турткоз вздрогнул

от шума, который бичом ударил его по ушам. Вокруг выли, рычали, лаяли, визжали тысячи собак. В первый миг Турткоз решил: всё происходит во сне. Но вот грубые жёсткие руки освободили его от пут, сбросили на землю.

Турткоз неуверенно поднялся на ноги. Нет, слух не обманул щенка: во дворе, огороженном высоким забором, было полно собак. Маленьких и больших, тощих и толстых, разнообразных мастей. Одни из них лежали, безучастные ко всему, прямо в грязи, другие злобно грызлись друг с другом, третьи плакали, оплакивая свою судьбу, но в глазах каждой затаился страх смерти.

Турткоз шёл, не разбирая перед собой дороги, его шатало и тошнило. Вот он уткнулся носом в холодные, шершавые доски забора. Между ними были довольно широкие щели. Турткоз попытался сунуть в одну из них морду. Это не удалось, зато он увидел такое, что мороз продрал по коже. По ту сторону забора тоже был двор, обнесённый загородкой пониже, и там, во дворе, на туго натянутых проводах висели... шкуры собак. Много-много шкур. Больших и маленьких, серых и чёрных... У Турткоза чуть не выскочило сердце из груди. «Вот она — смерть! — мелькнула страшная догадка.— Умереть придётся не в бою с волком, а от рук живодёра!..» И щенок потерял сознание.

Пришёл он в себя нескоро. Первой мыслью было: «Бежать! Спасись во что бы то ни стало. Неужели ничего нельзя придумать? Неужели он погибнет такой недостойной смертью? Нет, он будет бороться, если суждено умереть — то он умрёт с честью!» Щенок вскочил на ноги и побежал вдоль забора, низко опустив голову. Нигде ни щели, ни дыры, где можно было бы пролезть. Отчаявшись, Турткоз решил попытаться одолеть забор. Разбежался издали, всё убыстряя шаги, прыгнул вверх, вложив в прыжок все свои силы, упал на землю, бессильно царапая когтями бесчувственное дерево досок... Потом он прыгал опять, опять и опять... Силы его медленно убывали...

Наступил вечер, подул свежий ветерок. Турткоз лежал в забвении под самым забором, в дальнем конце двора. Он встал, пошатываясь, постоял, раздумывая, что бы ещё предпринять для спасения. И вдруг почувствовал, что земля под передними лапами мягкая, что лапы слегка увязли в ней. Ещё не веря в свою удачу, Турткоз попробовал разгрести землю — она легко поддалась. По-видимому, когда-то здесь проходил арык, его кое-как засыпали, а дожди и снег ещё не успели утрамбовать почву. Окрылённый надеждой, Турткоз принялся изо всех сил выгребать землю передними лапами, а задними отбрасывать назад. Он чувствовал, что когти ломаются, цепляясь о попадающиеся камни и твёрдые комья, но не мог себе позволить остановиться. Он понимал: канава, ведущая под забор, — его последняя надежда. Если он сейчас отступит, никогда ему не видать свободы. И его ждёт участь собак, чьи шкуры висят в соседнем дворе.

Турткоз не знал, сколько времени он копал эту яму. Помнит лишь, как лёг животом в прорытую траншею, вжался в неё и пополз вперёд... Потом силы покинули его, в глазах потемнело...

Придя в себя, он поднял голову и увидел, что лежит по ту сторону забора, там, где были развешаны собачьи шкуры, и рядом сидит, нетерпеливо тыча в него носом, большая печальная собака. В первый миг Турткозу почудилось, что это его мама — Алапар. Но это была совсем незнакомая собака. Она ласково лизнула его: «Вставай, миленький, соберись с силами. У нас мало времени — скоро рассвет. А нам ещё надо одолеть забор... и вообще ещё хватит забот...»

Забор оказался не таким высоким и не таким скользким, как первый. Турткоз и его спутница без особого труда одолели его. Теперь им предстояло расстаться — старая собака спешила домой, где у неё остались совсем маленькие щенята. Турткоз, как и раньше, не знал, куда податься и что ждёт его впереди.

IV. И ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ «ДОБРО»!

И опять ночь. И опять длинные, бесконечные, запутанные городские улицы. Огромный, бескрайний город. Турткузу казалось, что ему никогда не выбраться из него. Наступил день, а щенок всё ещё был бесприютен. Он теперь не носился сломя голову, боялся лишний раз людей напугать, да и силы были на исходе. Крытые арбы и фургоны Турткуз обходил издали, улицу пересекал, когда не было машин.

Солнце перевалило за крыши домов, когда Турткуз вдруг почувствовал: вокруг что-то изменилось. Не понимая, в чём дело, он остановился, чутко прислушался, потом внимательно огляделся. Перед ним была знакомая красная калитка. Дом мясника! Дом, где он познал неволю, унижения, но где жизни его не грозила никакая опасность.

Тихо заскулив, щенок ткнулся в калитку. Она не была заперта — отворилась, протяжно скрипнув. Турткуз несмело вошёл во двор.

Тургун, сын мясника, сидел на ступеньках веранды. Из глаз его лились слёзы, и он размазывал их кулаками по лицу. И вдруг мальчик увидел Турткуза. Минуту он смотрел на него, не веря своим глазам, потом вскрикнул, вскочил, крепко обнял щенка за шею, прижал к груди. Радостно скуля, Турткуз лизнул его руку. Он был очень рад встрече — Тургуна щенок любил. Любил он и хозяйку, молчаливую полную женщину с печальным лицом и тихим голосом. Она всегда старалась угостить Турткуза чем-нибудь вкусеньким, наливала ему полную миску наваристого бульона, бросала туда мозговые косточки, которые щенок страсть как любил, но мясник запрещал их есть. Он считал, что от костей у него клыки притупятся. «Мне не просто пёс нужен, мне нужны его клыки! — говорил хозяин при этом. — Клыки, которые перегрызут горло любой собаке, железные, стальные клыки, не знающие пощады!» Турткуз никак не мог взять в толк, зачем это мяснику, чтобы он перегрызал другим собакам горло.

Тургун всё обнимал щенка, целовал его. Турткоз тоже не остался в долгу — облизал мальчику всё лицо. Но вот он нетерпеливо взвизгнул, посмотрел на дверь веранды. Он ждал, что в ней появится хозяйка. Тургун перехватил его взгляд.

— Мама нет, — сказал он, помрачнев. — Она ушла из дома, к своим родителям... Бросила нас...

Из глаз мальчика опять полились слёзы, он крепче прижал щенка к себе.

— И всё из-за тебя, глупенький. Ты вот убежал, а попало за это нам с мамой. От отца. Они с мамой сильно поссорились, вот она и ушла к своим родителям...

Турткоз виновато опустил голову.

— Ладно, не переживай! — воскликнул вдруг Тургун. — Ты вернулся — и всё теперь будет хорошо. Отец больше не будет сердиться. Подожди меня здесь, я пойду к маме, скажу, что ты вернулся.

Тургун исчез за калиткой, а щенок устало опустился на брюхо, положил голову на вытянутые вперёд лапы, вздохнул, закрыл глаза. Никуда он больше не убежит. Ему уж, видно, суждено жить в этом доме. Лишь бы больше не сажали на верёвку, как паршивую овцу. И он тогда до конца своих дней будет верой и правдой служить своим новым хозяевам...

Но мясник рассудил иначе. Вечером того же дня он надел на Турткоза повенёк ошейник и к нему приладил железную цепь. Щенок опять оказался в неволе. Его снова приковали к ненавистному железному колу. И Турткоз затосковал с новой силой. По родному кишлаку, по высоким синим горам, по зелёным пастбищам. Опять ему начали сниться мама Алапар и краснощёкий весёлый Карабай. Увидится ли он когда-нибудь с ними? Суждено ли ему сторожить отары на яйлау, преследовать злобных волков? Удастся ли когда-нибудь вдоволь набегаться по цветущему пахучему лугу, ощутить себя сильным и вольным?

Вот с какими мыслями Турткоз встречал рассветы и провожал дни.

Прошли лето и осень. Похолодало, повалил снег.

Минувшей ночью Турткузу опять приснился Карабай. Будто бы они вдвоём сидят в горах, на берегу родника Карабулака, который, пробиваясь из-под корней дикой орешины, просачивается между замшелых валунов и камней, прокладывает себе дорогу и струится вниз.

Турткуз лежит у самого родника. Глядит в его прозрачную гладь. Видит щенка, который внимательно следит за ним. Мало того, что этот нахал так подозрительно уставился на него, он ещё угрожающе скалится. Обозлённый Турткуз начинает лаять на щенка. Тот, нисколько не испугавшись, отвечает ему тем же. Турткуз ещё пуще выходит из себя. А тут Карабай вдруг заливается смехом.

«Ну и дурачок же ты, Турткуз, сам на себя лаешь! Это же в воде твоё отражение, зачем же ты лаешь на самого себя?»

Уж сколько прошло, а увидел сон и будто опять побывал у Карабулака. И в ушах всё ещё звучит смех Карабая.

Турткуз выглянул из конуры. Снег пошёл сильнее, большими, пушистыми хлопьями. Холодно. Щенок поджал хвост, съёжился, закрыл глаза. Вот бы сейчас проверить, загнали ли овец в овчарню, где им тепло и уютно, и они стоят, тесно сбившись... Конечно же, овцы давно в овчарне, а мама Алапар, как всегда, лежит в стого сена. И, быть может, тоже видит сны. И снится ей Турткуз...

Хозяйка, мама Тургуна, принесла и молча поставила перед Турткузом миску супа. С тех пор, как похолодало, Турткуза стали кормить чаще. И всегда чем-нибудь вкусным — потрохами, свежим мясом. Но хорошая, сытная еда не радовала пса. Он чувствовал, что неспроста всё это, что лакомства могут ещё выйти ему боком.

Стемнело. Всё вокруг сверкает под снегом, а с неба летят белые, мохнатые хлопья. Корявые ветви тала, растущего напротив конуры, подгибаются под тяжестью снежной шубы и по-старчески кряхтят — поскрипывают.

Из ярко освещённого дома вдруг вышел мясник — на ступеньки веранды упала спящая полоса света. Мясник тяжело зашагал к конуре. Даже в темноте было хорошо видно, какое у него красное лицо. Так и сияет, как фонарь. Одет в шелестящий шёлком чапан, обвязан двумя яркими поясными платками, грудь распахнута, дышит паром, и от одежды даже пахнет жареным мясом.

Вот мясник снял с колышка цепь, выволок Турткуза из конуры. Потом неожиданно схватил его за ноги, опрокинул на спину и давай валять в снегу. Удивлённый пёс и не подумал даже сопротивляться. Ведь здоровый, взрослый человек, а что делает? Играет, как малое дитя! Уж если очень ему хочется поиграть, придумал бы что-нибудь другое. Снег-то холодный, забивается в шерсть, тает на теле, а ему, Турткузу, ещё всю ночь лежать во дворе, в конуре без дверей...

Пёс стал сердиться, захотелось даже цапнуть мясника за руку, но вовремя удержался. Глянул на нож, висевший на поясе хозяина, и удержался. С этим человеком лучше быть настороже. А мясник всё валял Турткуза в снегу, валял, шумно дыша, и приговаривал: «Терпи, псина, терпи, волчина, закаляйся, тебе же на пользу, дурачина!» Потом, видно, ему надоело это занятие: поставил собаку на ноги, вывел на поводке на улицу. У калитки наготове стояла машина. Мясник привязал конец цепи к «Волге», а сам сел за руль. Машина тронулась, натянув цепь. Ошейник сразу сдавил горло. Чтобы не задохнуться, Турткуз побежал за «Волгой». Машина увеличила скорость. Турткузу тоже пришлось прибавить ходу. И вот они уже несутся как угорелые, связанные одной цепью, и щенка заботит лишь одно: не упасть бы, не потерять под ногами опору. И тогда машина понесёт его, как беспомощный мешок отрубей.

Обтирание снегом, гонка за автомобилем повторились и на следующий день. И на третий, и на пятый. Целый месяц так было. А когда снег стаял, мясник стал обливать его ледяной водой из-под крана и опять заставлял нестись за маши-

ной. И весь этот ужас он называл закалкой, жестокий человек!

Турткоз теперь каждый день со страхом ожидал наступления вечера.

У. ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ РАДОСТЬ

В один из морозных дней мясник посадил Турткоза в машину и повёз куда-то. Он, видно, очень хорошо знал город: «Волга» скоро выбралась из запутанных улиц и переулков и помчалась мимо заснеженных полей, садов с голыми деревьями и одиноких домиков.

Машина с глухим урчанием взобралась на холм, сбежала вниз и подкатила к трём тополям, вокруг которых стояло уже много забрызганных грязью автомобилей. Кругом было полным-полно людей. И все какие-то большие, усатые, краснощёкие, как мясник. Многие держали за поводки собак, испуганно жавшихся к хозяевам или злобно рычащих, готовых растерзать всякого, кто приблизится к ним.

То ли это базар, где продают собак, то ли ещё что?.. Турткоз ошалел, весь напрягся, готовясь к любой неожиданности. Хозяин шёл впереди, расталкивая людей, что-то покрикивая. Турткоз настороженно ступал за ним. И вдруг в такой невообразимой толчее, шуме и гаме мелькнуло что-то знакомое, родное и близкое. Турткоз взгляделся повнимательнее: прямо перед ним стоял Куппак. Да, да, брат! А рядом с ним его хозяин, тот самый Бородач, что собирал деньги после пения «сладкоголосого»!

Куппак здорово вырос. Да это и неудивительно. Он всегда ел за троих и вообще был крепыш...

Турткоз очень обрадовался брату. Шутка ли, встретить на чужбине, где всё непонятно и полно опасности, родного брата! Турткоз рванулся было к Куппаку, но тот то ли не узнал его, то ли не захотел узнавать, залаял, громко и злобно: «Вон, вон, вон от меня!»

Турткуза как кипятком окатили. Ну и Куппак! Всё ему шишочём, каким был зловредным, таким и остался. Подумать только, как принял родного брата: хуже лютого врага!

Хозяин снял с Турткуза ошейник и подтолкнул коленом вперёд. Освободили и Куппака. Турткуз не успел ещё понять, чего от него хотят, а братец уже налетел на него вихрем, щёлкнул клыками. Только в последний миг Турткуз успел ловким ударом отбросить того в сторону.

Куппак опять рванулся к Турткузу, но тот увернулся и тут же встал к нему мордой, боясь подставлять бок. И ввремя. Куппак подпрыгнул вверх и вперёд, чтобы придавить брата к земле. Но успел подпрыгнуть и Турткуз. Так передние лапы Куппака оказались на спине Турткуза, передние лапы Турткуза — на спине Куппака, а морды их прямо друг против друга. И только теперь понял Турткуз, что этот пёс с палитыми кровью глазами — не тот Куппак, сварливый, но в общем-то безобидный брат, а злобный, беспощадный зверь, готовый перегрызть горло каждому, кто встретится на его пути. Он был закалён в боях: туловище и морда в сплошных шрамах, глаза горят огнём и жаждой крови.

Куппак рычал, поджидая удобного момента. Но теперь и Турткуз был начеку. Он понял, что их специально свели в драке и, если он уступит, Куппак его не пощадит.

Турткуз и Куппак лязгали и скрежетали клыками. Окружившие их тесным кольцом люди громко кричали: «Ату его, Куппак, ату! Покажи наших!», «Возьми его, Турткуз, дай жару!»

Станный всё-таки собрался здесь народ: какое им удовольствие натравливать брата на брата?

Куппак изготовился к новому прыжку. Однако Турткуз не стал дожидаться его натиска, подскочил к Куппаку, схватил его за шею и отбросил в сторону. Братец пролетел метров пять и шлёпнулся на землю у самых ног визжащего от ярости Бородача. Турткуз решил, что дело своё сделал, повернулся и спокойно направился к хозяину. Он не видел, как Куппак, по-

шатываясь, встал с места, помотал окровавленной головой, приходя в себя, а затем бросился вслед за ним. Он только почувствовал вдруг, что острые клыки вонзились в заднюю лапу и с хрустом раздробили кость. Не в силах вынести боль, Турткоз жалобно застонал и оглянулся. В глазах его была мольба: «Отпусти меня, братишка! За что ты так? Я ведь не хотел тебе зла. А ты!..» Но Куппак не отпускал его. Чем больше Турткоз старался высвободить лапу, тем сильнее впились в неё острые клыки Куппака. Турткоз беспомощно растянулся на грязном снегу. Ох как же ему было больно!..

Куппака еле оторвали от Турткоза, всунув в пасть палку. «Наша взяла! — кричал Бородач. — Наш Куппак победил, честь ему и хвала!»

Турткоз не знал, что это, оказывается, игра, не знал, конечно, и того, что, по правилам её, тот, кто первым заскулит в схватке, считается побеждённым. А он скулил и просил брата отпустить его, пожалеть...

Мясник накинул на Турткоза ошейник и грубо дёрнул:

— Вставай, чего разлётся! Никакой ты не волкодав, а жалкий трус и размазня!

Турткоз с трудом поднялся и заковылял на трёх лапах за хозяином. В ушах стоял звон, перед глазами всё расплывалось, подступала тошнота.

— Быстрее, ну! — Мясник больно пнул пса ногой в живот.

Турткоз пошёл быстрее. Он боялся, как бы мясник не выхватил из ножен свой страшный нож и в злобе не вонзил бы ему в сердце. А хозяин мог это сделать не задумываясь, потому что был ужасно злой. Ведь он проиграл много денег из-за поражения Турткоза. Потому-то и чуть не прыгал от радости Бородач, ласково гладил предателя Куппака по голове, совал ему кусочки почерневшего от грязи сахара. Люди, окружившие Бородача и Куппака, смеялись, кричали, шутили...

Всю обратную дорогу Турткоз ехал в каком-то беспомыслии. У красной калитки машина резко остановилась. Мясник выволок пса из кабины, провёл в калитку и пинком подтолкнул

нул к конуре. На ступеньке веранды стоял бледный Тургун и смотрел на них. Турткоз, волоча за собой раненую ногу, направился к конуре. Вдруг Тургун испуганно закричал. Турткоз оглянулся и понял, что испугало мальчика: от калитки к конуре тянулась красная полоса. Пёс догадался, что это его кровавый след. Он лизнул рваную рану. В это время из дома вышел мясник с недлинной палкой в руках. Вот такая же штука однажды, когда Турткоз убежал из дома, с грохотом изрыгнула в него огонь. И если бы тогда огонь попал в него, то он, конечно, тут же свалился бы замертво. Турткоз понял это ещё тогда. Такие люди, как мясник, шутить не любят.

Турткоз уставился на хозяина, позабыв даже о боли в ноге.

— Папа, зачем тебе ружьё? — раздался пронзительный голос Тургуна. — За что ты хочешь убить собаку?!

Мясник ничего не ответил, приладил блестящую штуку к плечу и стал наводить на Турткоза. Турткоз бессильно вздохнул, неуверенно поднялся на ноги. За что хотят убить его? В чём виноват? В том, что потерпел поражение в нечестной драке? Но он ведь не знал, что на него нападут исподтишка, подло, по-предательски?! Быть может, он виноват в том, что не сразу кинулся и не стал рвать в клочья своего родного брата?

Чёрные зрачки ружья зловеще смотрели в самые глубины глаз. Невообразимая тоска и бессилие охватили Турткоза, и он, жалобно заскулив, ничком лёг на землю.

— Папа, папочка, родной, не надо, папа! — взвился страшный крик. Мальчик подскочил и повис на руках у отца, пригибая ружьё книзу.

— Пусти, стервец! — взревел мясник. Раскатисто грохнул выстрел. Ружьё изрыгнуло свистящий клубок огня. Турткоз в ужасе подпрыгнул высоко вверх и, ещё не осознав, попали в него или нет, провалился в чёрную бездну...

Когда пёс открыл глаза, над ним стоял Тургун. Обливаясь

слезами, мальчик ощупывал тело собаки. Мясник хмурился, опустив ружьё дулом вниз. Тургун не обнаружил ран, радостно вскрикнул. Мясник понял, что собака невредима, в сердцах махнул рукой и, топая сапожищами, ушёл в дом...

В тот же день Тургун привёл к Турткузу человека в белом халате. Тот почистил рану, помазал каким-то вонючим маслом и крепко забинтовал. Потом этот человек приходил ещё несколько раз. Турткуз издали узнавал его мягкие, лёгкие шаги. Прикосновения этого человека были ласковыми, добрыми. Он смотрел на пса сочувственно и понимающе. Ах, как он не походил на мясника! И называли его доктором.

VI. ПРОЩАЙ, ТУРГУН!

Нога зажила настолько, что Турткуз уже мог ходить, правда, слегка прихрамывая. Он заметно повеселел, приободрился. В этом ему помог доктор: вернул веру в жизнь, в доброту людей. Но Тургун, с которым они очень сдружились в последнее время, стал задумчивым, рассеянным. Турткуз никак не мог понять, что происходит с мальчиком, какая забота его мучает.

Сегодня они в последний раз ходили к доктору. Тот сказал, что Тургун может быть спокоен за свою собаку. Раны затянулись, кости срослись правильно.

Мальчик и собака направились домой. Тургун шёл сгорбившись, понурился, всё думал о каких-то печальных вещах. Турткуз ласково потёрся о ногу мальчика, словно хотел спросить: «Что тебя беспокоит, Тургун? В последнее время ты как в воду опущенный... Я очень боюсь за тебя...» Но мальчик не понял своего друга.

— Пойдём, Турткуз, пошли скорее,— пробормотал он, ласково почесав пса за ухом.

Турткуз прибавил шагу. Ему вдруг подумалось, что мальчик спешит домой, чтобы не навлечь на себя гнев отца, чтобы

не упрекнули, что, мол, всё время возится с никчёмной собакой. Но они уже шли дорогой, которая вела вовсе не к дому. Неужели заблудились? Не может быть! Тургун ведь так хорошо знает город. Да и сам Турткоз отлично помнит дорогу от дома до больницы, где работает ласковый доктор.

Они пересекли железную дорогу, прошли через длинный, тёмный туннель. Перед ними простирались три дороги, убегающие в разные стороны и... широкое, безбрежное, до самого горизонта, поле. Тот самый простор, который снился Турткозу долгими зимними ночами, простор, стремясь в который он однажды убежал из дома!..

Тургун остановился, снял с шеи собаки ошейник, потрепал по шее, ласково сказал:

— Турткоз, миленький, ты свободен... Иди вот по этой дороге, она ведёт к твоему родному кишлаку...

Пёс стоял и смотрел Тургуну в глаза, помахивая хвостом. О чём это говорит друг? Неужто гонит от себя? Или опять чем-то не угодил?..

— Ты должен уйти, Турткоз, понимаешь, должен уйти!.. Ты не сможешь у нас жить... И вообще в городе... Ты рождён для гор, для степей, чтобы помогать людям... — У Тургуна на глазах стояли слёзы. — И ещё отец очень зол на тебя... Он, чего доброго, может и убить, понимаешь?..

Турткоз, конечно, понимал. С самого начала всё понял. До него дошли даже невысказанные мысли мальчика. Но он не мог уйти вот так, не мог бросить своего друга, своего защитника. Такова уж была его натура, верная дружбе до конца. Тихо скуля, пёс начал бегать вокруг мальчика.

На дороге появился и проехал мимо них всадник в тяжёлой меховой шубе, в лисьей шапке. От него пахло кострами, овчарнями, горными ветрами. Ни от кого не могло так пахнуть, кроме как от чабана. Турткозу всадник показался даже знакомым. Уж не сосед ли Карабая? Они ещё с Куппаком утащили из его дома козлиную шкуру, и старая мать чабана гонялась за ними по улице!

— Иди, Турткоз, иди за этим человеком... Он, наверное, едет в ваши края... — подбодрил Тургун собаку дрожащим голосом.

Неужели наконец-то пришла долгожданная свобода! Неужели он, Турткоз, возвратится в места, родные сердцу, в места, которые снились ему каждую ночь, места, которыми он бредил всё это время! И пёс подпрыгнул и помчался за всадником, уже умчавшимся далеко вперёд. Но на полпути к нему Турткоз остановился как вкопанный, резко обернулся назад. Маленькая фигурка Тургуна одиноко маячила посреди широкой, необъятной степи, на фоне серой громады бетонного туннеля. Острая боль резанула пса по сердцу, и, не раздумывая, он повернул назад. Но мальчик больше уж не смотрел ему вслед. Низко опустив голову, он медленно удалялся прочь. Турткоз остановился. Ему опять вспомнились родные места, мама Алапар. Но было и очень жалко покинуть Тургуна. Неизвестно ещё, что с мальчиком сделает отец за то, что отпустил собаку. И может, Турткоз покидает друга в самые тяжёлые для него дни!..

Пёс залаял, протяжно, тоскливо, надеясь, что Тургун услышит его, оглянется, позовет. Но тот уходил всё дальше и дальше. Вот к нему подкатил автобус, остановился. Тургун занёс ногу на подножку, схватился за поручень, подтянулся, сделал ещё один шаг и исчез в огромной красной машине...

Турткоз завыл. «Прощай, Тургун! Прощай, дружище! Я никогда не забуду тебя... Ты хороший, добрый, чуткий мальчик и будешь таким же, когда вырастешь... Прощай!..»

Турткоз повернулся и затрусил по пыльной дороге. Вскоре он догнал всадника. Тот долго не замечал следовавшего за ним пса, а когда увидел, удивлённо воскликнул:

— Ба-а, ты откуда появился, приятель?! — Присмотрелся повнимательнее и вдруг добавил: — Уж не Турткоз ли ты?.. Точно, Турткоз! Смотри, как вырос, тьфу-тьфу, не сглазить! Домой, значит, наострился?! Ну, добро, добро... То-то обра-

дуются Карабай! Он ведь, как узнал, что тебя отдали тому мяснику, все глаза выплакал...

Дорога была неблизкая, но Турткоз и не заметил, как прошли её. Вот он наконец и дома. У моста через Аксай, за которым начинался кишлак, нетерпение взяло верх: пёс рванул вперёд, оставив далеко позади своего спутника...

Столб со знакомой тарелкой на макушке. Калитка. Загон для овец. А вон в конце улицы появилась отара. Впереди неё, как всегда, важно шествовал серый козёл с медным колокольчиком на шее. И тут же взвился в воздух, понёсся по окрестностям протяжный голос молодого чабана, подгонявшего непослушных овец:

— Ку-у-у-р-р, хайт!

Сердце Турткоза чуть не разорвалось. Он залаял и бросился навстречу отаре, надеясь, что впереди, чуть сбоку рога того важного козла, как всегда, следует его мама, Алапар. Но её там не оказалось. Турткоза встретили его двоюродные братья — Арслан и Каплан. Они его узнали сразу, драк устраивать не стали.

Но где же всё-таки мама? Быть может, она вернулась домой раньше отары?

Турткоз побежал к дому, из трубы которого валил густой дым. У калитки стоял коренастый, чернявый, улыбающийся мальчик. Он с изумлением смотрел на вдруг появившегося перед ним Турткоза. Карабай даже рот разинул — до того не поверил своим глазам. Потом он вскрикнул:

— Турткоз, ты ли это, старина?! Откуда ты появился, неужто сбежал от этого проклятого мясника?! Ну и молодчина ты!..

Турткоз залаял громко, раскатисто, радостно («Да, да, это я — твой Турткоз, твой старина!»), прыгнул вперёд, положил передние лапы на плечи своего самого дорогого человека. Карабай тоже крепко обнял пса. Турткоз облизал мальчику обе щеки, руки, потом взвизгнул («Подожди, родной, мы с тобой ещё поговорим, я только проведаю маму!»), отбежал,

оглядываясь по сторонам. Ему не терпелось увидеть маму, по которой он так скучал, но которой почему-то нигде не видно...

В это время к калитке приблизился старый чабан — отец Карабая. Он вёл на поводу понурого ослика. Турткоз не присматривался внимательно, но краешком глаза успел заметить: чабан снял с ослика что-то, бережно опустил на землю. И вдруг какое-то недоброе чувство кольнуло сердце Турткоза. Он и сам не понял, как очутился возле старого хозяина. На земле лежала завёрнутая в рогожу мама Алапар. Она тяжело, с хрипом дышала и была вся в крови. Алапар, может, узнала сына, рванулась к нему, но тут же бессильно уронила голову...

Турткоз яростно залаял, кидаясь к ней. Из глаз его покапались крупные капли слёз.

Алапар молчала. Турткоз лизал ей морду, глаза, лапы, лоб, жалобно скулил...

Отец Карабая, мужественный человек, повидавший в жизни всякое, стоял, опершись на тяжёлую суковатую палку, молча следил за невесть откуда появившимся Турткозом, а глаза тоже повлажнели...

— Свиделись, называется... — проговорил он с горечью.— Смотри, как скулит бедняга, совсем будто человек. Ну, погоди, серый, ты у меня ещё поплатишься!

Турткоз тоже сразу понял, кто виноват в смерти Алапар, едва увидел её со вспоротым животом. Это, конечно же, дело отъявленного врага овец и пастушьих собак — волка...

Турткоз всю ночь не находил себе места. Кружил вокруг загона для овец, обнюхивал места, где ходила, лежала мама Алапар. Он и раньше не любил волков. А теперь его ненависти не было конца.

Не в силах побороть тоску и бессильную ярость, Турткоз несколько ночей подряд выл на луну. Никто ему не мешал. Все понимали глубину его горя.

VII. ОДИН НА ОДИН!

Шли дни, жизнь брала своё: горе Турткуза стало сглаживаться, уступать повседневным заботам и радостям, постепенно он подружился со всеми собаками из соседних зимовок. Старые собаки, которые уже не ходили с отарой, с восхищением смотрели на него, тихо урчали, как бы говоря: «Сразу видно, чей это сын: сдержанный, сильный, чуткий — весь в Алапар! На такого всегда можно положиться». Так думали старые псы. Но некоторые молодые забияки не сразу поняли, с кем имеют дело. Как-то раз решили припугнуть этого задаваку-пришельца. Собрались втроём и накинулись на него. Турткуз вовсе не хотел драться, но когда щенки совсем обнаглели, одного свалил с ног, другого отбросил далеко в сторону, третьего до смерти напугал, щёлкнув клыками. Задиры разбежались и впредь молчаливо уступали Турткузу первенство во всей окрестности.

Турткуз хотел жить в мире и дружбе со всеми собаками и уж никак не грязься с теми, кто, не жалея сил, караулит колхозных овец. Вот если волк когда-нибудь один на один встретится — это другое дело. Турткузу понравилось, что даже те глупые задиры ненавидят серых разбойников, их общих врагов. Стоит им почуять волка — ошетинятся, рычат, глаза горят диким огнём!

Об одном жалел Турткуз: что нет рядом Купцака. О нём он вспоминал каждый раз, когда видел двоюродного брата Арслана, очень похожего на непутёвого братца. Ах, если бы Куппак жил здесь, вместе с ними, вместе сторожил бы овец, был бы в руках у хорошего чабана! Тоже наверняка стал бы отличным волкодавом! А теперь уж, наверное, всё потеряно. Не в те руки попал Куппак со своим характером, не в те...

Лунная ночь. На небе блещут крупные, холодные звёзды. Всё кругом покрыто скрипучим, сверкающим снегом. С реки дует пронизывающий ветер. Но он не страшен Турткузу и его друзьям — у них тёплые шубы. Да и сыты они — вдоволь на-

елись чабаньей похлёбки. Арслан, Каплан и Турткоз гоняются друг за другом, точно малые щенята, поднимают клубы снежной пыли. А вон и гости появились, Рыжий и Пятнушка с соседней зимовки! Ну, сейчас будет, только держись!..

Они так набегались, наигрались, что повалились на землю и начали лизать снег. И тут вдруг что-то ухнуло, глухо затопало. Да, так дрожит земля, когда разом бросается бежать вся отара чем-то напуганных овец. Так уже было. Давным-давно, когда Турткоз впервые увидел волка и, струсив, лаял на врага, спрятавшись за старшими собаками... «Волки!» О том же подумали волкодавы, минуту назад дурачившиеся в снегу. Они вскочили все разом и, даже не взглянув друг на друга, помчались к соседнему загону.

Когда они взлетели на горку впереди, а потом, точно молнии, устремились вниз, то увидели, что из загона, ярко освещённого луной, выскочили два волка и побежали в сторону Каравулдэга. Турткоз и его товарищи остановились, затем резко повернули направо: это они решили перерезать путь серым, следуя по гребню горы.

Волки уходили тяжело, медленно. Видно, оба несли добычу. Первым бросил свою ношу тот, что шёл первым: он раньше другого почувал погоню. А другой упрямо волок на спине задушенного ягнёнка, пока не настигли его разъярённые псы. Это была волчица. Деваться ей теперь было некуда. Она решила дать бой. Но не успела даже изготавиться, Турткоз налетел на неё и с силой отшвырнул в сторону. Волчица полетела вниз, увлекая за собой горы снега, валунов и камней. Добивать её бросились Арслан и Каплан.

Бежавший впереди волк видел, что случилось с его подругой, но не решился вернуться ей на помощь, припустил дальше. Турткоз ринулся вслед. Между ним и неприятелем было небольшое расстояние. Турткоз отчётливо видел маячивший перед ним круп большого и откормленного волка. Волк перебирал ногами легко и упруго, словно бы даже не спеша, и, казалось, был уверен в своей силе. К тому же он знал: его

преследует всего-навсего одна собака, а с одним врагом справиться всегда легче.

Турткоз бежал, не отрывая взгляда от лап, обросших гладкой серой шерстью. Только бы добраться до них! Ведь очень может быть, что маму Алапар задрал именно этот волк, именно он принёс Турткозу горе!

Перед глазами пса опять ожил тот день, такой длинный, богатый событиями. Печальный, радостный, горестный.

Это было утром. Человек в белом снял с его ноги повязку, под которой были какие-то тяжёлые дощечки. Турткоз сделал несколько шагов, и больная нога показалась ему лёгкой-лёгкой, легче любой из трёх остальных. И боли совсем не чувствовалось. Только ныла нога немного. Но такие пустяки Турткоз давно научился не замечать.

Светило яркое солнце, рядом шёл Тургун. Было радостно, хотелось лаять, бегать, кувиркаться.

Потом они оказались в поле. Широком, чистом поле. А наверху синело небо и в него с весёлым пением ввинчивались жаворонки. Было так хорошо! А Тургун шёл печальный, не замечая всей этой красоты. И чуть не плакал. Его настроение передалось и собаке. Она вдруг поняла, что сейчас что-то должно случиться. И оно случилось. «Ты должен уйти, Турткоз!» — сказал хозяин и отвернулся. Из глаз его текли слёзы. И псу показалось, что солнце погасло, небо опустилось низко-низко, стало каким-то мрачным и угрожающим, замолкли птицы.

Турткоза охватила смертельная тоска. Он никуда не уйдёт, пусть мясник ещё и ещё раз стреляет в него, пусть возит на синие драки — он теперь не застонет, не сдастся, будет биться до последнего, лишь бы не покидать милого Тургуна!

Но мальчик приказывал, просил, умолял его уйти. Что оставалось делать? Он ушёл.

В пути домой его опять охватила радость, веселье, хотя настроение нет-нет да омрачалось воспоминанием о Тургуне. Каково там мальчику, что с ним будет?

Однако мысль, что скоро он будет дома, в родном кишлаке, увидит Карабая, маму Алапар, вытесняя из груди мрачные чувства. И он снова с лёгкостью бежал вперёд.

Какое счастье обуревало его, когда он увидел Карабая, его отца — старого чабана! Но вот он опустил на землю что-то завёрнутое в рогожу. Это была мама Алапар, истекающая кровью!..

Опять всё потемнело кругом, опять лютая тоска охватила пса. Нет, серый, ты от возмездия не уйдёшь. Смерть твоя пришла, смерть!

Волк держал наискосок, к гребню горы, видно, думал, что здесь ему будет легче оторваться от преследователя. Но, достигнув вершины, тотчас заметил, что просчитался. Подтаявший за день снег здесь замёрз, превратился в колючий, крепкий лёд. К тому же дул сильный ветер. Осторожно продвигаясь вперёд, волк оглянулся: волкодав следовал за ним с такими же предосторожностями — он испытывал те же неудобства, что и серый. Между ними сохранялось достаточное расстояние. Воспрянув духом, волк сделал сильный рывок и вдруг почувствовал, что потерял под ногами опору.

Чудо, но волк исчез. Турткоз остановился. Ему показалось, что по склону, едва освещённому луной, в снежном облаке мелькнуло, падая, что-то тёмное. Не иначе, это волк сорвался!

Быстрее за ним!

Турткоз прыгнул в ущелье, на лету свернувшись в клубок. Неизвестно, сколько он летел, окружённый тучами снега, ударяясь о камни и валуны, царапаясь о колючие ели, но вот вдруг застрял в сугробе между двумя уступами скал. Внизу, метрах в двадцати — двадцати пяти, стелился покатый склон, и недавний враг волкодава собирался улизнуть по нему во свояси.

Недолго раздумывая, Турткоз устремился к врагу. Он не рассчитал самую малость, к тому же серый в последний миг ловко увернулся, в зубах у Турткоза остался только клочок

шерсти от его мохнатого хвоста. Ничего не скажешь — волк был силён: за несколько минут он успел отмахать десяток метров и продолжал пробиваться вперёд, увязая всеми лапами в снегу. Турткоз слышал его прерывистое, тяжёлое дыхание. «Ну, теперь-то серому не уйти», — решил он. Однако, ступив на снег, сразу понял, что ошибся. Здесь приходилось прямо-таки плыть по снегу — столько его намело со всех сторон. Хорошо хоть, туловище удерживало, не то можно было и вовсе утонуть.

Волк упорно полз вперёд, за ним — Турткоз. Расстояние между ними всё не сокращалось. Турткоз заскрежетал зубами от бессилия: «Неужели уйдёт?» Волк находился от него в каких-то нескольких шагах, но вот поди-ка, достань его!

Волк остановился, чтобы перевести дух. Ждать больше нельзя. Турткоз напряг все силы, рванул вперёд. Но серый, словно заранее предвидел, что сделает собака, опередил её на какие-то доли секунды и опять оказался на безопасном расстоянии.

Неожиданно ноги коснулись твёрдой земли. Турткоз сразу повеселел. Но и волк уже выбрался из снежного омута и теперь отдыхал, тяжело дыша, низко опустив голову. Видно, бежать дальше он не собирался. Наоборот, решил ускорить развязку: напружинившись, метнулся к неприятелю. Но пёс был готов к этому. Он молниеносно отпрянул влево, вцепился волку в ухо и сильно дёрнул. Серый отлетел в снег. Не дожидаясь, когда он выкарабкается, Турткоз следом метнулся сам, но опять упустил. Волк чудом выскользнул из-под страшно клацнувших клыков. В ловушке оказался сам Турткоз: не встретив на своём пути преграды, которую он ожидал, пёс не смог вовремя остановиться и с лёта врезался в сугроб. И в этот же миг из глаз его посыпались искры: волк впился в то самое место в ноге, которое ранил когда-то Куппак. Турткоз извернулся, щёлкнул пастью, и клыки его намертво захватили левую заднюю ногу серого. Так они оказались сомкнутыми в круг. И круг этот пришёл в движение: каждый ста-

рался освободиться сам, не выпуская врага. Поэтому они кружились на одном месте, как какое-то странное, живое колесо вокруг невидимой оси...

Неизвестно, сколько это продолжалось. Но давно уже рассвело, потом и солнце засверкало на рыхлом снегу. А перед глазами Турткуза мелькали одни и те же предметы: припорошённый снегом валун, кусты тала у ручья, сверкающая мириадами искринок снежная целина. Всё это пролетало перед глазами так быстро, что собака и не могла как следует разглядеть их. Наконец живое кольцо распалось — волк и Турткуз разлетелись в разные стороны.

Через минуту Турткуз пришёл в себя. Боясь, что упустил время, он стал лихорадочно искать глазами противника. Ни за валуном, ни под кустами тала его не было. А вдруг он уже подкрался сзади?! Пёс резко обернулся, непроизвольно ощерился. Нет, сзади его тоже нет. А-а, вон он выбирается из снега...

Турткуз залаял на врага зло, с ожесточением. Волк тоже зарычал, ощерив клыки. И они опять пошли друг на друга...

Долго длилась эта отчаянная схватка. Силы медленно покидали неприятелей, но ни волк, ни Турткуз не отступали. Их могла развести только смерть. И каждый ждал удобного момента, берёт силы, чтобы нанести решающий удар...

Вот волк, который медленно и как бы нехотя кружил вокруг пса, вдруг резко подался влево, метнулся к Турткузу. Но волкодав подпрыгнул и обрушился на врага сверху — под его клыками оказалась шея серого. В тот же миг страшная боль пронзила и грудь Турткуза: волк впился клыками в ключицу...

Пёс покрепче сжал зубы, потряс шею волка. Но тот не ослабил хватки. И тогда пёс понял, что у него уже нет сил повалить врага. Волк тоже ничего не предпринимал. Видно, и у него вышли все силы. Так они и стояли, намертво вцепившись друг в друга, не в силах добить врага или разжать челюсть...

Солнце село, пришла ночь. Турткоз почувствовал, что больше не выдержит. Вот-вот подогнутся ноги, и он рухнет. И именно в этот момент он заметил, что волк вдруг отяжелел, начал медленно оседать вниз.

Турткоз ещё крепче сжал челюсти, навалился на противника всем телом и потерял сознание...

Пришёл он в себя, когда зубов коснулось что-то холодное, твёрдое. Над ним склонился отец Карабая. Он пытался раскрыть ему пасть, сведённую судорогой, рукоятью плети. Какие-то люди волокли волка, держа его за хвост. Первым желанием Турткоза было продолжить преследование, но ему не удалось и с места сдвинуться. Не было сил...

Турткоза привезли на стойбище. Там его ждал человек в белом халате. Он очень походил на того самого доктора, который лечил пса в городе. Турткоз только взглянул на него, доброго и ласкового, устало закрыл глаза...

Через неделю волкодав мог подниматься с места, выходить из дома. Во дворе, на верёвке, висела шкура знакомого волка. При виде её Турткоз зарычал, шерсть на загривке встала дыбом.

Карабай поспешно увёл его в дом:

— Пошли, пошли, Турткоз, тебе нельзя волноваться! И это ведь не волк, а его шкура!..

Спустя несколько дней снег уже везде стоял, из земли пробивалась ярко-зелёная травка. В небе сверкало золотистое солнце. У забора толпились мальчишки с сумками за плечами. Они остановились, чтобы полюбоваться на знаменитого волкодава.

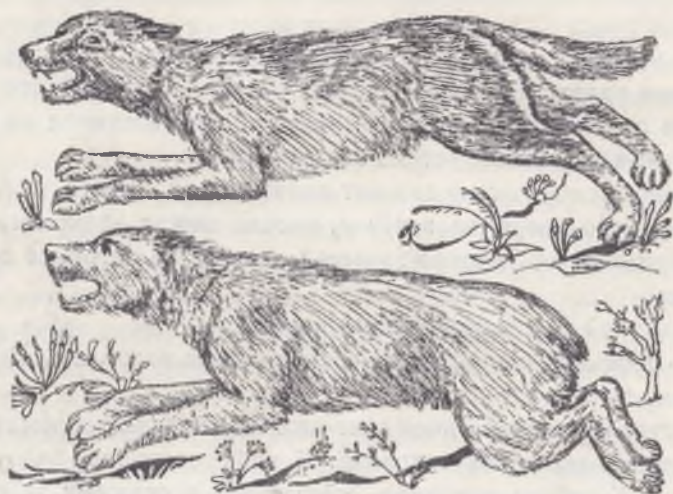
— Вон он, вон он, Турткоз, тот самый, который насмерть стоял против матёрого волка! — воскликнул один из ребят.

— Да-а, волкодав что надо! — протянул другой.

— Такого во всей округе не сыскать! — убеждённо заявил третий.

— Это уж точно,— подтвердил четвёртый.

Турткоз, смущённый похвалами, отвернулся, пошёл прочь, укоризненно помахивая хвостом, точно хотел сказать: «Э, ребята, бросьте, что это вы в самом деле! Что я такого сделал, чтобы так уж меня расхваливать? С волком схватился? На моём месте любой волкодав поступил бы так же. Ведь работа у нас такая — охранять отары. Напали серые на овец — вот я и сразился. Ещё раз нападут — ещё раз схвачусь. На-смерть. Такое уж наше дело. Обычное...»

СУЛЕЙМАН-ОХОТНИК И ЕГО ДРУЗЬЯ

I. КОГДА ЧЕЛОВЕК НЕ ЧУВСТВУЕТ СТАРОСТИ

Сегодня у деда Сулеймана был день полочки. Выйдя из конторы управления районного водного хозяйства, он пошёл в продуктовый магазин: пользуясь случаем, хотел закупить провизии, чтобы ещё раз не приезжать потом в райцентр. Хвост очереди в бакалейный отдел тянулся через весь магазин. Покачав головой, Сулейман-бобо¹ повернул к выходу, но его остановил мальчишка в соломенной шляпе.

— Дедушка, встаньте на моё место,— сказал он тихонько, но настойчиво, потянув его за рукав яктака — длинной, навывпуск рубахи без ворота.

---

¹ Б о б о — дедушка.

— Да что ты, сынок,— сказал Сулейман-бобо, бросив смущённый взгляд на очередь.— Люди ждут, а я...

— Так я ведь вам свою очередь уступаю... Мне не к спеху, постою ещё,— сказал мальчик, отходя в конец очереди.

— Вставайте, дедушка, вставайте,— раздалась подбадривающие голоса.

— Спасибо, дети мои, спасибо, сынок! — сказал бобо, робко втискиваясь в очередь, на место мальчика в соломенной шляпе. Сулейман-бобо не любил считать себя немощным старцем, да и не был он таким, но почёт и уважение, оказанные ему людьми в очереди, были приятны.

Старик купил пачек двадцать зелёного чая, два килограмма колотого сахара, кулёк леденцов «Новвát», связку румяных бубликов, уложил их в ситцевый мешочек и пошёл к выходу. В конце очереди, терпеливо прислонившись к прилавку, стоял мальчик в соломенной шляпе. Проходя мимо, дед ласково погладил его плечо.

— Дай бог здоровья родителям, вырастившим такого сына! — И чтобы более не смущать мальчика, поспешно зашагал прочь.

Ещё бобо заглянул в мясную лавку: купил два килограмма баранины, кило курдючного сала — для плова. Теперь можно идти домой. Только очень хотелось пить. А жажду дед мог утолить только крепким зелёным чаем. Других напитков он не признавал. Поэтому Сулейман-бобо поспешил, придерживаясь тенистой стороны улицы, к чайханё, которая располагалась как раз по пути...

На широкой деревянной кровати — сурí, застланной шёлковым тюфяком, сидел, сгорбившись, точно замёрзший ворон, пожилой благообразный старец с пышной чалмой вокруг головы. Он полулежал на горке зелёных бархатных подушек, поджав под себя ноги в и́чигах. Сулейман-бобо хотел прошмыгнуть мимо, в глубь чайханы, где было тенистее, а значит и прохладнее, но старец окликнул его дребезжащим голосом:

— Эй, Сулейман-бай, милости прошу на пиалу чая! Садитесь ко мне, что вы вечно прячетесь?!

Бобо медленно направился к нему. Но именно этого-то он и не хотел; сидеть вместе с этим человечком, слушать его нытьё, поддакивать ему. Положив мешочек на край сури, Сулейман-ата¹ церемонно поздоровался со старцем за руку. Несмотря на жару, на нём был тяжёлый халат — чапан.

— Садитесь, Сулейман-бай! — пригласил старик, наливая в пиалу янтарного цвета чай. Бобо с ногами забрался на сури, принял чай, потом развязал свой ситцевый мешочек, высыпал на поднос, на котором стоял одинокий пузатый красный чайник, десятка два сушек, горстку леденцов.

— Угощайтесь, мулла.— Бобо с хрустом стал есть сушку. Старец с изумлением наблюдал за тем, как он ест эти сушки, даже не размочив их в чае. Потом вдруг спросил:

— Сколько вам лет, Сулейман-бай?

Бобо некоторое время молчал, шевеля губами, точно вычислял про себя свой возраст.

— Кажется, уже за седьмой десяток перевалил. А что?

— Я много моложе вас, Сулейман-бай,— произнёс старец с какой-то непонятной обидой,— а посмотрите, сколько зубов у меня осталось, вот, глядите, а-а-а!..

Он широко раскрыл рот и приблизился вплотную к Сулейману-бобо. Тому волей-неволей пришлось заглянуть в рот собеседника. В нём было всего четыре сломанных, полусгнивших, жёлтых зуба.

— М-да, небогато,— сказал он удручённо. Потом улыбнулся в усы и добавил: — Если верно, что у человека тридцать два зуба, то все тридцать два у меня целёхоньки. И не помню, чтобы они когда-нибудь болели.

— Признайтесь, Сулейман-бай, вам, наверное, ведом какой-нибудь секрет, как беречь зубы? — заговорщицки придви-

---

¹ А т а — отец, дедушка.

нулся старец к бобо.— Почему ваш рот полон здоровых зубов, а у меня — всего четыре, и те больны?

Сулейман-ата пожал плечами:

— Не знаю. Но думаю, что с малолетства и за всю жизнь вы съели слишком много сладкого, может, и не одну арбу.

— Ну, было дело. А вы, вы разве не ели сладостей?

— Приходилось, как же иначе, мулла-ака?¹ Только сладостями, что доставались нам из вашего сада — кислыми яблоками и неспелым урюком не больно-то можно было испортить зубы.

Старичок опустил голову:

— На всё воля аллаха, Сулейман-бай. Такие были времена.

Наступило неловкое молчание. Сулейман-ата решил разрядить атмосферу:

— Да о чём говорить, что было — то быльём поросло. Ваш отец был богачом, а мы — дети «голопузых», как говорили тогда...

Помолчали.

Старец отпил из пиалы несколько глотков чая, потом сказал задумчиво:

— Конечно, мы с вами теперь, Сулейман-бай, не молодеем, а наоборот, стареем. С каждым днём годы всё больше и больше дают о себе знать. У меня, например, в последнее время сильно пошаливает желудок.

— Коли так, надо перейти на диету,— осторожно заметил Сулейман-бобо.

— Да какое там! — устало махнул рукой старец.— Каждый день по нескольку свадеб и не меньше похорон. Что на свадьбе? Сначала чай со сдобными лепёшками, самса, всякие сладости, фрукты. Потом — шурпа из парной баранины, за которой тут же следует плов на курдючном сале. На помни-

---

¹ А к а́ — брат, уважительное обращение к старшим.

ках тоже не хуже, чем на свадьбах. Вот и получается, что никак не удаётся пощадить желудок...

— У каждой палки два конца... — сказал Сулейман-бобо, с трудом скрывая усмешку.

Допив чай, бобо бросил на дастархан¹ двадцать копеек — стоимость двух чайников чая, поднялся с места и, попрощавшись со старцем, вышел на улицу. Мулла дождался, когда бобо свернёт за угол, потом воровато огляделся, ловко подцепил крючковатыми пальцами двадцатикопеечную монету со скатерти и поспешно опустил в нагрудный карман грязного чесучового пиджака. Они с Сулейманом-бобо выпили всего лишь один чайник чая, и за него уже было уплачено самим муллой. Так что теперь он, не сходя с места, заработал гривенник. Тоже дело!

А Сулейман-бобо между тем бодро шагал по пыльной извилистой дороге. Он равнодушно пропустил два попутных грузовика, водители которых пристально вглядывались в него, словно вопрошая: «Не подвезти ли, дедушка? Ведь солнце печёт да и путь неблизкий!..» Не желал Сулейман-бобо ехать в машине. Он привык пешком. Всю жизнь ходил пешком. Да как! Никому было не догнать его, даже на коне! Друзья старика, седобородые деды, по сей день говорят с восхищением: «Сулейман — что норовистый конь. Только в отличие от коня, понукать не надо».

К полудню бобо дошёл до плотины, смотрителем которой он состоял при районном водном хозяйстве. Плотина эта, в пойме реки Сырдарьи, обеспечивала водой окрестные колхозы. Вода уходила отсюда по широким арыкам, выложенным железобетонными плитами. Плотину и арыки разделяли шлюзы с железными воротцами, открывать или закрывать которые имел право только один человек — Сулейман-бобо. Ключи от замков на шлюзах, надетые на верёвочку, дед всегда носил с собой, привязанными к поясному платку. Замки шлю-

---

¹ Д а с т а р х а н — скатерть, стол с яствами.

они были крепкие, фирменные, но старик всё равно трижды на дню проверял их — вода в Средней Азии на вес золота, особенно в дни полива хлопчатника. Сейчас с водой, конечно, не так трудно, как в былые времена, когда люди враждовали из-за неё, даже убивали друг друга. Но и сейчас нет-нет да сыщется человек, готовый проехать за чужой счёт: пропустит на свои поля больше воды, — значит, побыстрее справится с поливом, хлопчатник созреет раньше. Такому до соседних колхозов и дела нет, пусть, мол, выкручиваются сами, как знают. Дед таких не любил и наказывал их строго, гораздо строже, чем злостных браконьеров.

Замки все были в порядке. Бобо медленно обошёл всю плотину, внимательно разглядывая дамбу: не размыло ли где-нибудь, не поднялся ли уровень воды, хотя твёрдо знал, что никакие неожиданности его здесь не подстерегают. Ведь он вот уже пятьдесят лет работает на плотине и следит за ней, как за родным детищем. За всё время только раз случилась беда, да и то не по его вине: паводковые воды прорвали дамбу. Но даже это не принесло больших разрушений — благодаря деду. Он вовремя заметил опасность, оповестил окрестные кишлаки, которым грозило затопление. Поднялось всё население, приехали люди из района, и дамба была восстановлена прежде, чем разрушения достигли значительных размеров.

Закончив обход плотины, Сулейман-бобо приложил руку ко лбу козырьком и взгляделся в даль, где у самой серебряной полосы Сырдарьи синел густой сад. Из-за макушек деревьев виднелась белая, сверкающая под солнцем крыша. Крыша его дома. Дома, который построили его сыновья. Построить-то построили, а сами в нём почти не прожили: ушли на войну и не вернулись...

Дед медленно пошёл по тропинке, занятый невесёлыми думами. Нет, не для того выстроили такой большой и просторный дом, чтобы в нём доживали свой век одинокие отец и мать. Они хотели, чтобы дом был полон счастья, радости, до-

статка. Чтобы в нём звенели голоса внуков и правнуков... И старики мечтали о том же. Самим-то им вполне хватало их маленького домика, стоявшего у самой плотины. Односельчане называли этот дом «караулкой» — то ли потому, что в нём жил Сулейман-бобо, смотритель плотины, то ли потому, что в домике этом всегда светился огонёк и каждый путник находил в нём приют, тепло, небогатый, но сытный ужин, доброе слово. Когда детей не стало, бобо снёс домик, посадил сад на его месте, а сам переехал в дом сыновей, как он его называл. С тех пор в нём и живут старик со старухой. А сад, вот он как разросся: из-за пышных, густых крон яблонь, урючин, айвовых и персиковых деревьев неба не видать. А тополя — не обхватишь и верхушкой облака достают.

Так уж устроена жизнь: сыновей давно нет в живых, а деревья растут, цветут, тянутся к солнцу... И он жив... старик, хотя уже за седьмой десяток перевалил.

В нос вдруг ударил чад от горелого хлопкового масла. Дед остановился, прислушался, и тонкий слух его уловил едва слышный шум голосов. «Гости, видно, нагрянули. Кто бы это мог быть? Наверное, свои, раз, не дождавшись меня, начали плов готовить!..» Сулейман-бобо ускорил шаги. К нему частенько навевались гости из близлежащих кишлаков, из райцентра и даже из города. Их всех влекли сюда тенистый сад, солнце, полноводная Сырдарья с её рыбой и, конечно, гостеприимный Сулейман-ата.

Пройдя поляну, дед углубился в прохладу сада, что окружал дом. Теперь отчётливо слышались взрывы смеха. Так смеются обычно на состязании острословов. «Кажется, ребята из кишлака собрались», — решил бобо. Ну да, вон они, сидят на сури под большой чинарой. А на очаге — казън, и от него исходит аромат жареного мяса...

— О-о, Сулейман-бобо идёт. Наконец-то! — воскликнул кто-то.

Ребята повскакали с мест, пошли навстречу деду. Это были парни лет восемнадцати — двадцати. В жаркие летние

дни, решив отдохнуть, они приходили сюда, купались в Сырдарье, загорали, ловили рыбу, потом, приготовив плов из захащенных с собою продуктов, ели его с шутками, прибаутками.

Кто-то взял из рук старика ситцевый мешочек, кто-то подскочил с кумганом — полить холодной водички на руки.

— Не сердитесь, дедушка, что явились без приглашения, — сказал широкоплечий парень с круглыми глазами, приложив руку к сердцу.

— Да что ты, Тахир, что ты, сынок! — перебил бобо юношу, замахав руками. — Вы все — мои дети, и было бы грешно вам дожидаться от меня особого приглашения.

— Нет, серьёзно, — продолжал парень, — как побываешь у нас один раз, потом так всё время и тянет. Будь моя воля — совсем бы у вас поселился!..

— Ну и приезжай тогда, сынок, почаще. В городе у вас духота и шум. Этих сорванцов тоже с собой приводи! — Бобо хитро прищурился: — Не то живут под боком, а носа не кажут!

— Что вы говорите, дедушка?! Это мы-то носа не кажем? Только в прошлое воскресенье были! И так боимся надоест нам! — зашумели ребята.

— А вы приходите каждый день, вот тогда я и не буду сердиться. Ведь я... как это называется... эгоист! О себе пекусь: с вами я молодею. А со стариками что? Как сойдутся двое, так только и разговору, что о болезнях, о лекарствах да о докторах. Вот сейчас встретил одного такого, всё настроение испортил. Ну да ничего, вы мне его поправите...

Голос у Сулеймана-бобо лукавый, но говорит он искренне, радуясь. С молодыми и впрямь словно молодеет. Ему иногда действительно кажется, что эти парни — его дети. Вон тот напоминает старшего сына, Эрали: приземистый, неповоротливый, застенчивый... А этот, высокий, стройный, смешливый, с тонкими чертами лица, — вылитый младший сын, Шерали. Он

и смеётся, как сын: запрокинув голову, обнажая жемчужно-белые зубы...

Когда сыновья деда уходили на фронт, им было примерно по столько же лет, сколько сейчас этим парням. Такими юными они и остались в памяти отца. Он не может даже представить их себе пятидесятилетними мужчинами, какими они были бы, останься в живых, не может представить их отцами семейства, с сединой в волосах и морщинками на лицах...

— Пожалуйста, дедушка, садитесь...

Кто-то из ребят хотел помочь, но дед легко поднялся на сури и сел на почётном месте. Галоши с ичигов он снял и оставил внизу, на земле. Бархатные подушки, которые кто-то услужливо подложил ему под бок, ата отбросил в сторону. Нет, не-ет, он ещё не собирается сдаваться старости, как тот мулла, не хочет хныкать и жаловаться. Восьмой десяток, а он ещё понятия не имеет, как опираются на палку. Поджарый, подвижный, усы, чуть свисающие к углам рта, чёрные, будто насурьмлённые, без единой сединки; слегка выступающая челюсть и нос с горбинкой придают его лицу орлиное выражение. И загар цвета спелой ржи.

Глядишь на Сулеймана-бобо, знаешь, что перед тобой пожилой человек, а признаков дряхлости, спутников его возраста, не находишь. Узкие, с хитрым прищуром глаза выдают в нём человека лукавого и весёлого нравом. Видно, именно поэтому молодёжь тянется к нему, как побеги — к солнцу... К тому же и рассказчик он отменный. Все замолкают, когда дед начинает: «Давным-давно, когда правил страной Белый падишах — царь Николай, в наших краях...» Он — настоящий скатизитель, живой свидетель истории...

Сулейман-бобо некогда был известным сипайчи. В те времена люди не знали, что такое цемент и бетон, которыми теперь укрепляют берега бурных рек, направляют воды в новое русло. Сипайчи тогда устанавливали сипайи — треножник из брёвен или толстых жердей, который набивают камнями и валунами. Работа эта была очень тяжёлая и опасная, не вся-

кий осмеливался вступить в противоборство с могучими волнами, способными смять, сломать человека, как щепку, и похоронить в своих глубинах. К тому же работать приходилось и в зной и в стужу в воде.

Сулейман-бобо участвовал в установлении всех и поныне существующих сипаев на Сырдарье. Не будь их — не было бы, наверное, сейчас ни этого сада, ни плотины. Река бы подмыла берега, и вот на этом месте, где стоит сури, давным-давно бурлила бы вода.

Но Сулейман-ата не любит вспоминать о своих заслугах. Орден «Знак Почёта», которым наградили его за работу, приколот к груди сукошного камзола. Дед надевает его очень редко, но особо торжественным случаем. А так, тем более в жаркую погоду, он всегда в белых штанах и в белой рубаше, подпоясан цветастым платком, на голове — чувская тубетейка. Бобо любит ходить босым, да и работать так сподручнее: с водой ведь постоянно возится. Ещё ата очень любит разговоры на охотничьи темы. С серьёзным лицом выслушает любую небылицу и сам тут же расскажет что-нибудь смешное.

— Дедушка, а кто пустил слух, что у Абдумавляна-охотника есть волчья шкура? — спросил как бы между прочим, когда разговор начал иссякать, крепко сбитый, щекастый парень. Он сегодня за повара и, спасаясь от жара очага, скинул с себя ковбойку и был в синей майке.

— Плут ты этакий! Знаешь ведь, а спрашиваешь!

— Что вы, откуда я могу знать?! — замахал парень руками.

— Да кто мог пустить такой слух, кроме Миразиза-озорника! — Дед Сулейман удобнее подобрал под себя ноги и оглядел ребят. — Если и вправду не слышали этой истории, расскажу, так и быть...

Ата помолчал, почесал затылок, спрятал плутовскую усмешку.

— Пожаловался как-то Ташпулат-Длинный Миразизу-озорнику на боли в пояснице...

— Ох, уж этот Ташпулат-ака, вечно всем жалуется на боли в пояснице! — засмеялся парень в синей майке.

— «До чего измучила меня эта проклятая поясница! — говорит Длинный Миразизу. — Слышал, если найти медвежью шкуру да обмотать ею поясницу, вся боль пройдёт! Вот только где бы мне достать такую шкуру?!» Миразиз сделал вид, что сочувствует другу, что усиленно думает, чем бы ему помочь. «Медвежья шкура, медвежья шкура... у кого-то я её видел?.. Эх, никак не вспомню... А волчья не подойдёт?» — спрашивает потом. «Волчья? Кто знает, может, и подойдет. Волк ведь тоже дикий зверь! У кого есть волчья шкура, скажи скорее, Миразиз, умоляю тебя!» — «А какого волка тебе шкуру: серого или бурого?» — всё дурачится озорник. «Да хоть какого, пусть рыжего в горошек или серо-буро-малинового!» — «Таких не бывает, — гнёт своё Миразиз. — Вообще-то я знаю, где есть шкура серого волка. Своими глазами видел». — «Говори! У кого?» — завопил в нетерпении Ташпулат-Длинный. «Да у нашего Абдумавляна-охотника». — «Не может быть!» — «Сказал ведь, своими глазами видел. Поискать — у него и львиная шкура найдётся. Как-никак он же — охотник...» И Ташпулат-Длинный, святая душа, поверил, сполз кое-как с кровати и, охая при каждом шаге, заковылял к дому Абдумавляна-охотника...

Слушатели дружно расхохотались.

— Ну даёт Миразиз-ака! — хлопнул по колену парень в синей майке. — Ни дня не проживёт, чтобы кого-нибудь не разыграть...

Сулейман-бобо подождал, пока смолкнет смех, потом продолжал:

— Стояла ночь, кишлак уже спал, когда Ташпулат-Длинный принялся колотить в калитку Абдумавляна. Тот вышел на улицу, зябко подёргивая плечами, потирая заспанные глаза. «Чего тебе?» — спрашивает. Ташпулат с ходу накидывается на него: «Выручай, дорогой! Хоть лоскуток с ладонь дай, авось поможет!» — «Да чего тебе дать-то с ладонь величи-

пой?» — «Не важно с кого, хоть с серого, хоть с бурого — всё одно, надо попробовать!» — «Послушай, Длинный, что ты среди ночи морочишь мне голову? — взрывается Абдумавлян. — Ослиных мозгов, что ли, объелся?!» — «Да нет, приятель, я вполне здоров, то есть, если не считать поясницы... Замучила, проклятая! Мне, может, лоскутка с твоей волчьей шкуры хватит, чтобы вылечиться! Не откажи, Абдумавлян, прошу тебя!» Тот, видно, уже начал догадываться, что над ним и над Длинным кто-то зло подшутил, и спрашивает: «Кто тебе сказал, что у меня есть волчья шкура?» Не успел Ташпулат произнести имя Миразиза, как горе-охотник дико завыл, заорал, посылая ночного гостя ко всем дьяволам, а потом захлопнул калитку перед самым его носом...

Слушатели заливались смехом.

— Миразиз-ака и Абдумавлян-охотник — неразлучные друзья, — пояснил Тахиру кто-то из ребят, — и при этом они вечно разыгрывают друг друга.

— Да уж, проделкам их нет конца, — засмеялся бобо. — Почему, вы думаете, Миразиз так пошутил над приятелем? А потому, что Абдумавлян пустил о нём свою байку!.. — Дед покрутил усы и усмехнулся: — Вообще парень этот — охотник что надо! Перекинет ружьё за плечо, а оно вдвое длиннее его самого!

Присутствующие кишлачные парни, по-видимому, не раз видели эту картину — громко засмеялись.

Сулейман-ата продолжал:

— Говорят, напал как-то на Миразиза зуд: поохотиться решил. Взял он охотничье ружьишко и пошёл к выходу. А пройти ему нужно было мимо кухни, где на полке — на самом видном месте — стояла бутылка водки, припасённая на всякий случай, для гостей. Миразиз этого зелья терпеть не может, но что-то ему подсказало, что коли выпить чуток, так легче будет волочить тяжёлое ружьё, да и храбрости прибавится. Во всяком случае, недолго думая он налил себе целую пиналу водки и выпил. «Охотнику положено выпить», — успо-

коил себя он, крикнул и закусил луковицей. Потом заткнул горлышко бутылки бумажной пробкой, засунул в карман: «На всякий случай, вдруг мороз ударит?!» Мороз по дороге не ударил, а при ходьбе пробка выскочила, водка пролилась и намочила штаны. Тогда Миразиз решил допить остатки. Не пропадать же добру. Сказано — сделано. Выпил, захмелел и прилёг под развесистым тамариском...

Дед помолчал, налил себе чаю, но пить не стал.

— Проснулся Миразиз, глядит: ночь, звёзды на небе, а его кто-то уносит на спине. Посмотрел — громадный волчище на спине его тащит! «Ну,— думает Миразиз,— пришёл, значит, мой последний час». Сам, однако, молчит, про себя думает: «Говорят, звери — медведи, волки — мёртвых не едят. Притворюсь мертвецом, вот он и бросит меня где-нибудь по дороге...»

Волк остановился у обрыва, осторожно опустил Миразиза на землю. Тот и теперь не проявлял никаких признаков жизни. Логово волка находилось под стволами громадных дубов, поваленных бурей. Судя по широкому входу, внутри было просторно, и серый мог там преспокойно съесть свою добычу. Отдышавшись, волк начал втаскивать его в логово. По счастью, в спешке он поволок Миразиза боком, ухватившись зубами за патронташ, отчего Миразиз застрял у входа. Волк его и так и сяк, надрывается, а добыча ни с места. И тут Миразиз не выдержал, поднял голову и воскликнул укоризненно: «Ия, что же ты за богатырь, никак не справишься? Ай-яй-яй!»

Волк испугался или стыдно ему стало, кинулся вон что есть силы, а Миразиз подобру-поздорову отправился восвояси. Вот как оно было...

— Однако на охоте, наверное, и вам доставалось, ведь правда, бобо? — улыбнулся парень в синей майке.— О них вы молчите, всё время рассказываете о подвигах моего дядюшки Миразиза...

— Потому что твой дядюшка — Ходжа Насреддин нашего

книшлага, сынок. И если рассказываем о нём байки и всякие небылицы, то только любя. А приключения на охоте — ты прав — и со мной случались.

— Расскажите, Сулейман-бобо, — попросил Тахир.

— Так все знают про тот случай...

— А я не знаю, — сказал Тахир.

— Расскажите, расскажите, дедушка! — загалдели и другие ребята.

Дед почесал затылок, хитро сощурился.

— Тогда слушайте, — начал он. — Не помню уж, в каком году это было. Но в том году в окрестностях развелось столько лисиц, что житья от них не было. А одна просто из дворов не вылезала. Хозяйки даже днём боялись выпускать кур из курятников. Никак я не мог с этой лисицей сладить. Моя верная помощница — охотничья собака — была уже так стара, что круглые сутки не покидала своей конуры. Из ружья в книшлага не постреляешь. Что делать? Решил я поставить на рыжую чертовку капкан. Выследил, какими закоулками пробирается она к дворам, не пожалел мяса — целую баранью ногу, из которой можно было бы сварить большой казан шурпы. Поставил я капкан и жду за околицей. Вот мелькнул среди высоких кустов рыжий, как пламя, хвост. Лисица следовала проторённым путём. Значит, сейчас попадётся, нахалка. Через полчаса я пошёл вызволять лисицу из капкана. Подхожу и что же вижу? В капкане вовсе и не лиса, а чья-то коза. Видно, паслась поблизости и угодила. А рыжей и след простыл. Сlopала баранину и дала тягу. Решила на этот раз обойтись без курятины...

Ребята засмеялись.

— Провела-таки меня, бестия! — кончил дед с шутливой досадой, ударив себя по коленке. — Лучше бы я из этого мяса шурпы наварил и наелся в своё удовольствие.

Парень в синей майке принёс большую миску с салатом из помидоров и лука.

— Плов готов, дедушка,— доложил он.

— Тогда, значит, пора его есть,— улыбнулся бобо.

— Вы сами должны выложить плов на блюдо, дедушка,— сказал повар.— Это дело почётное, и мы уступаем его вам.

— Ну, что ж, тогда придётся поработать,— согласился дед.

Сулейман-бобо легко соскочил с сури и направился к очагу.

Через пять минут на большом глиняном блюде выросла целая гора янтарного рассыпчатого плова. Блюдо подхватил парень в синей майке, принёс и поставил на дастархан.

Принялись за еду. Чистый воздух, сырдарьинская вода сделали своё дело — плов убывал прямо на глазах. И вскоре блюдо было уже пустое. Перешли к зелёному чаю. В этот момент юноша, похожий на младшего сына бобо — Эрали, вдруг воскликнул:

— Смотрите, вон Бури¹ бежит!

Все разом обернулись и посмотрели туда, куда указывал парень.

— Да это же обыкновенная собака! — пожал плечами Тахир.— Хотя... здорово похожа на волка.

— Бури — ее кличка,— пояснил парень.

Собака бежала по тропинке мягкими, бесшумными прыжками, низко опустив большую, тяжёлую голову.

— Я неспроста её так назвал,— сказал бобо.— Бури можно считать на четверть волчицей.

— Как так? — удивился Тахир.

Его друзья тоже смотрели на деда, ожидая, что он пояснит свои слова.

— Дед Бурн был матёрым волком.

Бобо переждал, пока стихнут изумлённые возгласы, и без обычных упрашиваний сам начал рассказ.

---

¹ Б у р и — волк.

— Вы, может, слышали от взрослых или читали в книгах, что тридцать третий год был очень тяжёлым. Засуха, неурожай, голод. Много тогда народу погибло. Чтобы прокормиться, я вылавливал из реки стволы, коряги, которые приносило течением, высушивал, рубил на поленья, а потом, выбрав свободный денёк, носил вязанки дров на базар. На этих вот своих плечах...

— Это отсюда-то на плечах до базара? С ума сойти! Ведь не ближний свет, дедушка!

— Конечно, далеко, кто спорит? Но что было делать: голод не тётка. Жить-то хотелось... вот и ташил.— Глотнув чаю, бобо продолжал: — Выходил затемно — к полудню был на базаре. Так, значит, продал я как-то свои дровишки, но не смог вовремя тронуться в обратный путь — всё ждал, не вынесет ли кто-нибудь на продажу джугары¹, из муки которой пекли лепёшки напололам с мякиной. Джугара была много дешевле пшеницы, которой мы в те годы и вообще-то не видели. Джугары я дождался, но и вечер наступил. Что делать? Пошёл потихонечку, хотя на дорогах в те годы пошаливали, да и идти надо было через пустынные места — всё по низине, по низине. Иду, чую, крадётся кто-то следом. Остановлюсь, прислушаюсь — тишина. Тронусь — опять осторожные шаги за спиной. Проверил, на месте ли нож, пошёл дальше. Тут, на моё счастье, вышла луна, и я разглядел крадущуюся за мной волчицу...

На этом месте рассказа все слушатели невольно посмотрели на Бури, которая улеглась под большой чинарой, печально опустив голову на вытянутые лапы.

— Волчица была старая, тощая — на расстоянии можно было посчитать её рёбра. Я сразу смекнул, к чему дело клонится: волк нападает на человека лишь в случаях, когда очень голоден или детёныши в опасности. А волчица явно оголодавшая, да, может, и волчата у неё есть, тоже некормленные.

---

¹ Джугара — сорго, злаковое растение.

Деваться некуда — придётся, видать, схватиться с серой. Я быстро отвязал подвешенную к поясу верёвку, которой связывал дрова, опустил один конец на землю и иду дальше. В правой руке у меня нож. Волчица, похоже, тоже насторожилась — чуть замедлила ход и приглядывается к шуршащей в траве верёвке.

Иногда она пыталась хватануть верёвку, узнать, что это такое, но я успевал дёрнуть верёвку, и пасть волчицы с лязгом-зашёлкивалась ни с чем. Какое-то время эта игра спасала меня, но я понимал, что долго так продолжаться не будет. Голод подгонял волчицу, к тому же она поняла, что верёвка не грозит ей никакой опасностью.

Стоило мне на миг ослабить внимание, и серая в один прыжок настигла меня. Падая от тяжести её удара, я успел двинуть волчицу ножом и почувствовал, что он вонзился в неё. Волчица не издала стоны, но я понял, что ранил её, легко ли, тяжело ли, но ранил. Мы покатались по земле. Рана помешала волчице перегрызть мне горло, да и сил у неё было не ахти... Катаемся, она рычит, хрипит, из раны бьёт кровь, а я кричу, ругаюсь, шарю рукой в траве, ищу нож, а его нигде нет... Но вот нащупал...

— М-да-а, весёленькая история, — поёжился Тахир.

— Волчица, видно, поняла, что плохо дело, улучила момент, да и в кусты. А я, сдуру, вскочил и кинулся за ней. Человек в таких случаях теряется, не понимает, что делает. Бегу я, значит, за ней, а она — впереди, стелет след крови.

Ну, думаю, крепко я её саданул, далеко не уйдёт. И вдруг волчица исчезла. Обыскал всё вокруг и нашёл её логово под деревом. Подкрадываюсь с ножом наготове, гляжу, а серая пала у самого входа. Подошёл ближе и ахнул от удивления: маленький волчонок впился в сосок матери, сосёт молоко и не знает, не ведает, что та уже мертва. Что делать: жаль, конечно, что малыш остался без матери, но, с другой стороны, не мог же я дать ей загрызть меня... Забрал я волчонка — и домой. Был у меня щенок от борзой, пустил к нему волчонка,

и зажили они дружно, мирно. Волчонок вырос, ходил я с ним па волков, на кабанов.

Потом у них с борзой и щенки пошли. Несколько поколений. Так что предков Бури,— дед кивнул на печальную собаку, лежавшую под большой чинарой,— можно встретить по всей нашей области...

— А что она такая... — Тахир искал подходящее слово,— обиженная вроде?

Бури всё ещё лежала, уставившись в одну точку. Временами еле слышно скулила, точно от глубоко затаённой боли.

Сулейман-ата мельком взглянул на собаку, нахмурился и ничего не ответил.

Солнце скрылось за чащей и сразу стало прохладно. Ребята начали прощаться.

Тахир, чуть помявшись, сказал, что у него завтра свободный день и, если можно, он хотел бы остаться у Сулеймана-ата.

— Если можно! — воскликнул дед обиженно.— Да я бы вообще никого вас не отпустил домой!

Проводив гостей, Сулейман-ата положил перед Бури остатки мяса, вкусные косточки, куски свежей пшеничной лепёшки.

Собака даже не глянула на угощение.

— Ну что ты сердишься на меня? — Дед присел перед ней на корточки.— Так, будто я твоих детёнышей в реке утопил...

Собака не шелохнулась.

— Правда, чего это она, а? — поинтересовался Тахир, наблюдая за ними чуть поодаль.

— По щенятам своим тоскует,— хмуро проговорил дед, поднимаясь.— Не могу же я содержать целую псарню!.. И потом, хороший щенок должен попасть в хорошие руки...

Эти слова Сулейман-бобо обращал не столько к Тахиру, сколько к Бури. Было видно, что дед уже не раз увещевал тоскующую собаку.

— Неразумная, пойми же ты наконец: твоих щенят взяли хорошие, добрые люди. Вот увидишь, они станут такими же сильными, выносливыми, как ты. И вообще так не бывает, чтобы дети всю жизнь сидели возле своей матери!..

Бобо и Тахир пошли к сури.

— Бедняга,— еле слышно пробормотал дед,— горюет, как человек, только сказать не умеет.

Тахир промолчал. Он понял, что и у самого старика душа болит не меньше, чем у осиротевшей собаки.

Они сели на сури, дед разлил по пиалам чай.

— Да, собаки тоже чувствуют, как люди. Я своими глазами видел, как плакала собака...

Тахир глянул на Бури.

— Не эта. Её бабушка.

— О чём плакала?

— О, это история длинная... — вздохнул ата.

II. ДА, СОБАКИ ТОЖЕ ПЛАЧУТ...

Сулейман-бобо славился как охотник на всю округу. Даже из самого Ташкента приезжали к нему любители побродить с ружьём в тугаях¹. Возвращались они в город довольные и ещё долго, вспоминая про охоту, говаривали своим приятелям, не скрывая восторга: «Этот Сулейман-ата, что был нашим проводником, удивительный человек! Природу знает, как никто. Слыхали про Дерсу Узала? Так вот, если хотите увидеть живого узбекского Дерсу Узала, поезжайте на Сырдарью. Сулейман-охотник по пению любую птицу отличает, по одной примятой травинке может определить, кто по ней проходил: медведь или сайгак. Потянет старик воздух и говорит: «Сегодня нам наверняка встретится дикий кабан, зарядите ружья жаканом». Или: «Да повесьте вы ружьё за плечо,

---

¹ Тугай — прибрежные густые заросли камыша и кустарников.

до послеполудня стрелять не придётся». И так всё и было! Редкий человек! Таких поискать надо!

Сулейман-ата понятия не имел, кто такой был Дерсу Узала; когда его сравнивали с ним, только скромно говорил: «Каждый должен хорошо знать то дело, которое его кормит. Я и знаю своё дело, и никакой моей особой заслуги в этом нет». Но в душе старик всё же гордился. Не тем, что его сравнивали с каким-то знаменитым человеком, а тем, что люди ценили в нём охотника. Конечно, он в этом не новичок: охотится с тех пор, как себя помнит. Нужда заставила. И навиделся всего на своём веку — дай бог каждому. Не чужаком, не хищником чувствовал себя среди природы, а частью её. Ходил на волков и на диких кабанов. И не по прихоти, как некоторые, а тогда, когда хищники начинали вредить людям. В тугаях и зарослях ставил капканы на лисиц. Специальной плетёной корзиной ловил рыбу в реке. Никогда не уносил всей добычи домой: охотно угощал путников, делился с соседями, с незадачливыми охотниками. Поэтому-то и тянулись к нему люди — знакомые и незнакомые. Щедростью души подкупал.

Говорят, лезть приятна даже богу. Но Сулейман-ата терпеть не мог лести. А ложь и вовсе. Не терпел и подлости. Но однажды случилось так, что всё это, вместе взятое, разом обрушилось на него...

...Стояла осень, дул промозглый, противный ветер, который гнал по небу низкие лохматые облака. В дверь хижины (нынешнего дома тогда ещё не было) постучались. Накинув на плечи чапан, ата вышел на улицу. У ворот стоял среднего роста, коренастый человек, за плечом — ружьё, опоясан патронташем, у ног на земле — рюкзак.

— Входите, будьте гостем, — пригласил бобо. — Милости просим... Закоченели небось... Вон какая погода стоит...

Человек вошёл, точнее, не вошёл, а вкатился в комнату, будто большой тяжёлый мяч, скинул куртку и патронташ, миг освоился и почувствовал себя как дома. С аппетитом по-

еда предложенный ужин, гость заговорил и уже более не останавливался. Он доложил, что фамилия его Явкачев, что отправиться к Сулейману-ата ему посоветовали друзья, которые уже бывали здесь, что они очень хвалили старого охотника и что вот он, Явкачев, и приехал...

Хозяйка подала чай. Громко, со вкусом прихлёбывая из пиалы, с хрустом откусывая колотый сахар, гость неумолчно говорил. Хозяину он и слова не давал вставить. Рассказал, в каких водоёмах какая рыба водится, на что и в какое время её лучше всего ловить, какие змеи сколько граммов яда вырабатывают в месяц, чем питаются слоны, какие народности мира живут охотой, по какому принципу муравьи ладят свои муравейники, сколько дней верблюд может обходиться без воды... В общем, наговорил столько, что у деда и у старухи голова разболелась. Лишь изредка прерывал он свой рассказ, чтобы взять карандаш и блокнотик, которые положил рядом с собой на тюфяк, и что-то быстро-быстро записывал. Ещё он часто, очень часто приглаживал свои густые курчавые волосы, точно хотел сказать: «Посмотрите, какая у меня пышная шевелюра!» А шевелюра у него была иссиня-чёрная, и казалось, что это парик. Потому что сам он был светлокожий, ресницы белёсые, а глаза какие-то водянистые, неопределённого цвета.

«Странный человек,— думал бобо, глядя на гостя.— Знаний в нём, как в мешке набито. Только словно бы этот мешок перевернули, и всё в нём смешалось. Слыхано ли, мне, старому охотнику, рассказывает про муравейники, про змей и верблюдов? Я хоть и книг мудрых не читал, но в жизни видал побольше его». Тем не менее старик не обиделся на Явкачева. «В каждом человеке свои чудачества,— решил он.— Его прислали ко мне хорошие люди, значит, и он неплохой».

Утром, когда небо прояснилось, выглянуло солнце и сразу всё вокруг ожило, Явкачев засобирался на охоту. Он звал с собой и деда, но тот отказался. Надо было смазать на зиму

распределительные щитки на плотине, кое-где подправить дамбу. Неизвестно, какой ещё будет весна, к ней-то и надо готовиться загодя.

— Жаль, что не хотите со мной,— сказал Явкачев и, глянув на чёрно-рыжую собаку, лежавшую в тени поодаль, спросил:

— Не дадите ли мне с собой корноухого?

Пса и в самом деле звали Корноухим. Одно ухо он потерял, ещё когда малым щенком Сулейман-ата впервые взял его на охоту. Только они напали на след лисицы, щенок обрадованно заскулил, заволновался и, не слушая хозяина, рванув вперёд, исчез в зарослях колючки. Сулейман-ата побежал следом, окликая щенка, но тот и сам уже выскочил обратно, жалобно скуля, с повисшим ухом. Делать нечего, дед пожурил щенка за горячность и перевязал рану. Но эта первая беда не образумила Корноухого: он остался таким горячим и азартным на всю жизнь. А надо сказать, что эдакий нрав для охотничьей собаки не самое лучшее. Поэтому-то Сулейман-ата не хотелось посылать Корноухого с Явкачевым, боялся, как бы не случилось новой беды.

— Намучаетесь с ним,— сказал дед.— Очень уж он строптив...

— Не бойтесь! — Лихо расправив плечи, охотник вогнал в стволы ружья по патрону.— Со мной ваш пёс не пропадёт. Я ведь Явкачев. А знаете, что это означает? Человек, от которого бегут враги. С Корноухим мы ни одной твари не упустим.

Сулейман-ата не хотел огорчать гостя. К тому же по всему было видно, что охотник он бывалый, хоть, конечно, малость того, хвастлив.

— Ну что ж, пусть идёт,— согласился ата. Эти слова он сказал так, словно родного сына посылал на трудное испытание.

Корноухий, который, казалось, только тем и был занят, что наблюдал за горлинками, мгновенно вскочил и рванул по

тропке, ведущей к тугаям. Изредка он оглядывался на Явкачева, точно желая удостовериться, поспекает ли охотник за ним, и нёсся дальше, успевая обежать и обнюхать каждый куст и дерево, встречающиеся на пути.

— Вон ты каков? Делал вид, что всё тебе безразлично, а сам рвался на охоту! — добродушно улыбнулся бобо, глядя вслед Корноухому.

Явкачев быстро семенял за псом, чтобы не отстать, и выглядел очень смешно в своих охотничьих резиновых сапогах выше колен.

Корноухий бежал легко, низко опустив голову, унюхивая все запахи, исходившие от тропинки. Совсем как его отец — волк. Бежит-бежит и вдруг замрёт, прислушается к звукам, настороженно оглядится. Это уже точь-в-точь как мать — борзая. Если из-под кустов неожиданно выпорхнет какая-нибудь пичужка, Корноухий резко вскинет голову, щёлкнет зубами и дурашливо кинется догонять её. Балуется. Знает, что это ещё не охота. Всё серьёзное — впереди.

Яркое солнце стало заметно пригревать. Жаворонки, радуясь свету и теплу, весело звенели и штопором ввинчивались в голубую высь. Небо было чистое-чистое, только у самого горизонта плыли, тихо растворяясь в голубизне, несколько облаков, похожих на кучки хлопка снежной белизны.

Чисто и покойно было и на душе Явкачева. Сердце ликовало и пело как звонкоголосый жаворонок. Явкачев блаженно улыбался: он был полон ожидания. А чего ждал, неведомо. Вот, скажем, выскочит из-за кустов серый волчище, он, Явкачев, мгновенно сорвёт с плеча ружьё, бабахнет и уложит зверюгу на месте! А шкуру потом, перекинув за спину, повезёт домой... И все будут дивиться в городе, когда увидят его в трамвае, а знакомые, те просто от зависти лопнут... Это уж как пить дать.

Неплохо, конечно, и лисицу подстрелить. С длинным таким, пушистым золотисто-жёлтым хвостом. Отличный подарок жене...

Здесь, в камышах у реки, наверно, и уток видимо-невидимо. Корноухий вспугнёт их, они взлетят, и тут-то Явкачев покажет себя. Подвесит к ягдташу штук тридцать — сорок, нет, штук семьдесят — восемьдесят, головка к головке — и домой. Смеху-то будет: вокруг пояса одни утки! Правда, нести будет тяжело, ну да ничего, возьмёт такси. Ради такого случая можно и раскошелиться...

Явкачев шёл, погружённый в свои сладкие мечты, под ногами шелестели золотые палые листья. Но вот он выпрямился и увидел, как с острова из-за камышей поднялась стая воробьёв. Азартный охотник Явкачев тут же вскинул ружьё, но через минуту опустил. Пороха жаль. Явкачев поглядел на камыши, желтеющие у Сырдарьи. До поймы, богатой дичью, было ещё далеко, но чувствовалось дыхание воды: в воздухе пахло рыбой и тиной.

Отставший было Корноухий выбежал из тугаев. Некоторое время он трусил рядом с охотником, тоже всматриваясь в камыши у реки, потом вскинулся и понёсся вперёд. Ему, похоже, передался азарт Явкачева.

Пёс исчез в камышах. «Как бы он раньше времени не встревожил уток», — забеспокоился Явкачев.

От быстрой ходьбы охотник запыхался. На лбу выступили капельки пота. Расстегнул верхние пуговицы куртки, хотел слегка расслабить патронташ, туго повязанный вокруг пояса, но передумал.

Обойдя камыши, Явкачев увидел Корноухого. Волкодав стоял, утонув в густой траве, к чему-то тревожно прислушивался. Было видно, что он учуял опасность.

Явкачев подошёл к псу поближе и властно приказал:
— Вперёд ма-арш!

Но Корноухий вместо этого отступил на шаг и тихонько заскулил и вроде даже хвост поджал. Горе-охотник не обратил никакого внимания на беспокойство собаки. Ослеплённый азартом, он всё рвался вперёд. Несколько минут назад в пойме сел целый выводок уток. Надо было спешить.

— Вперёд! — повторил Явкачеv.— Вперёд, кому говорят?!

Пёс нехотя тронулся с места. От прежней безмятежности его не осталось и следа.

Дорогу им преградило болото, образовавшееся на месте отступившей к реке воды. Если обходить болото — пропадёт много времени, а утки ждать не станут. К тому же на пути поваленный камыш и курай¹. А что, если попытаться перебраться по ним, как по мосткам? Вот незадача! Самая малость осталась — и нã тебе, такая преграда! А как явственно слышатся гортанные крики уток! Хоть бы пернатки минут десять не улетали, а там... А псина опять поджала хвост! Кто бы мог подумать, что такая здоровая собака столь труслива!

— За мной, вперёд! — скомандовал Явкачеv и ступил на камыши. И вдруг случилось страшное и неожиданное: куча камышей зашевелилась, вздыбилась и из-под неё вылетел кабан. Его клыки были страшно загнуты, как серпы, и сверкали на солнце, будто сабли палача. Яростно визжа, кабан кинулся на незадачливого охотника. Тот, насмерть перепуганный, истошно заорал:

— Ма-ма-а! Спа-си-те-е!

Мимо Явкачева в этот миг молнией пронёсся Корноухий, грудью сшибся с многопудовой тушей кабана и впился ему в загривок. Кабан завизжал ещё пуще и закрутился на месте. Корноухий отлетел в сторону, плюхнулся в грязную жижу. Кабан одним прыжком настиг его и, не дав опомниться, резким взмахом клыков вспорол псу живот.

Явкачеv всё это видел. Видел, как внутренности Корноухого вывалились на траву, видел, как кабан, шумно дыша, постоял с минуту, озираясь по сторонам — самое бы время ударить ему в лоб! — но Явкачеv не стал и ружья снимать, боком, боком отошёл в сторону, потом, когда достаточно удалился от кабана, который опять скрылся в камышах, со всех ног припустил к дому Сулеймана-бобо.

---

¹ Кура́й — колючий кустарник.

Бежал он долго, без оглядки, задыхаясь и не разбирая дороги. Лишь выбравшись из зарослей, вспомнил о ружье, тяжело бившемся о бок. «А вдруг этот зверь ещё вздумает погнаться за мной!» — мелькнуло в голове. Явкачев лихорадочно сорвал с плеча ружьё и разрядил его в воздух. «Теперь не погонится,— отметил он с удовольствием.— Какая животи́на полезет на человека с ружьём?»

Вдали, из-за деревьев, виднелась крыша караулки. Воробато оглянувшись, Явкачев направился туда. Шагал горехотник широко и поспешно. С лица его градом лил пот.

Сулейман-бобо находился на плотине, когда раздались выстрелы. Потом он увидел Явкачева, выбежавшего из зарослей. «Что-то приключилось с гостем,— с беспокойством подумал дед.— И выстрелы были какие-то... какие-то ненормальные».

Сулейман-ата вытер масляные руки куском мешковины, заторопился домой. Но гостя здесь не было. Старик обошёл сад, покричал. Никого. Ни Явкачева, ни Корноухого.

— Странно, сквозь землю, что ли, они провалились?! — проговорил дед удивлённо.

Тут его внимание привлёк шум грузовика, катившего по дороге к городу. Глянув в ту сторону, ата застыл на месте. Явкачев стоял в кузове грузовика, небрежно опираясь руками о крышу кабины.

— Ну и ну! — пробормотал ата.— Мог бы и попрощаться, коли вздумал уезжать!.. А куда же девался Корноухий? — вспомнил он вдруг. Сердце гулко забилося, предчувствуя беду.

— Кор-но-у-хий!

В тугаях угрожающая тишина, как перед грозой.

— Ах, какой неблагодарный человек, будь он проклят! — в сердцах выругался бобо, осматривая следы на траве.

Тугаи кончились. Дед вышел на открытую поляну. Солнце уже достигло горизонта, оранжевый бок его стал погружаться в воды Сырдарьи — осенний день короток. Справа — камыши, грубые, толстые, частые, через них не продерёшься. А вот

и следы... Скорее, скорее... «Неужели Корноухий увяз в болоте?» — полоснуло, как ножом по сердцу.

— Корноухий, сюда! — крикнул бобо.

Тишина. Только какая-то пичуга чирикает в кустах, жалобно так, точно лишилась своего птенца. А перед глазами всё стоит видение: Корноухий, медленно погружающийся в вязкое болото...

Сулейман-ата запыхался, пот застилал глаза, но он не убавил шагов. Впереди, в густой траве мелькнуло что-то чёрное. А может, показалось? Быстрее, быстрее туда!..

— Корноухий!

Тихий, слабый стон. И вот он, Корноухий, под самыми ногами. Чуть не наступил на него... Пёс лежал, растянувшись на траве, с распоротым брюхом. Из глаз медленно сползали тяжёлые капли слёз...

Сулейман-бобо опустил на колени перед собакой.

— Что ж с тобой стряслось, милый? — прошептал ата тихо.— Подвёл тебя негодяй? Будь он проклят... Потерпи, потерпи, милый... Ничего страшного... Главное — внутренности целы... Только брюхо распорото. Я пока сам зашью, потом отвезу к доктору. И будешь опять бегать, как раньше.

Сулейману-ата не приходилось ещё делать такое, но он не раз слышал, как охотники зашивали собаке брюхо, вспоротое кабаном. Старик всегда носил при себе, на всякий случай, приколотую к изнанке тубетейки иголку с шёлковой ниткой...

Наконец дед кончил. Погладил Корноухого по лбу. Молодец, ни звука не издал, пока дед возился с раной. Снял чапан, расстелил его на земле, уложил Корноухого, поднял на руки и бережно понёс к дому... Вскоре на попутной машине он доставил собаку в райцентр, в больницу.

Не прошло и недели, как в субботу вечером из Ташкента примчались озабоченные сыновья: Эрали и Шерали. Оба они учились в сельскохозяйственном техникуме. Позабыв даже поздороваться, сыновья закричали с порога:

— Папа, Корноухий погиб?

Бобо удивлённо вскинулся: откуда они узнали о несчастье?

— Вы что, дети? Где подхватили такую чёрную весть? Тьфу-тьфу, жив-здоров наш Корноухий.

— А где он?

Дед повёл сыновей в сарай, где лежал пёс, тихо скуля и царапая пол когтями — ему ещё было худо, очень худо.

— Вот он, как видите, жив,— пробормотал Сулейман-ата. Отец понимал волнение сыновей, ведь это они растили волкодава.

— А в газете написано: «...При охоте на дикого кабана героически погиб охотничий пёс Сулеймана-бобо Корноухий». Тут и фамилия ваша, отец, и адрес, и место работы. Ошибки нет.

Эрали протянул отцу газету.

— Какая газета? — удивился бобо.— Откуда газете знать про меня да ещё и про Корноухого?!

Шерали выхватил из рук брата газету и тут же стал читать вслух. А бобо всё понял, как только услышал название очерка: «Узбекский Дерсу Узала».

— Вот как он вас назвал, отец! — Шерали, видно, очень понравилось сравнение журналиста.

Сулейман-ата молча взял газету из рук сына, скомкал её и швырнул в очаг. Бумага сперва почернела, дымясь, потом разом вспыхнула синим пламенем. Сыновья недоумённо смотрели на отца.

— Чего сам подлец стоит, того и слова его! — горько подытожил свои действия Сулейман-ата. Потом, видя, что Эрали и Шерали ничего не понимают, рассказал обо всём случившемся.

— Человек он, видно, такой, с чёрной, трусливой душой,— закончил старик.— На сердце одно, на языке — другое. Презираю таких...

На небе засверкали звёзды. Всплыла луна, обогнула чинару и уже опустилась в Сырдарью, а на сури всё ещё звучал приятный, негромкий, как журчание ручейка, голос Сулеймана-бобо. Тахир слушал его с неослабевающим вниманием.

— Вот так я впервые в жизни увидел, как плачут собаки. Корноухий лежал со вспоротым животом... И едва увидел меня, из глаз у него покатались крупные капли слёз.

— Да-а! Но если собаки умеют плакать, то они, наверное, умеют и смеяться?

— Представь себе, что и смеяться умеют.

III. О ТОМ, КАК СОБАКИ СМЕЮТСЯ

— Поправиться-то Корноухий поправился,— продолжал дед,— только вот после того случая совсем стал не пригодным к охоте...

Собака в войну тоже хватила беды — наголодалась не меньше, чем Сулейман-бобо и его старуха. К тому же у стариков было великое горе: одна за другой пришли «похоронки» — извещения о смерти сыновей. Старуха занемогла. Сулейман-ата тоже едва ноги волочил. Свет стал не мил его глазам, иногда он ловил себя на том, что разговаривает сам с собой. Пугался, думая, уж не сходит ли с ума. А тут пёс, вертится под ногами, заглядывая в глаза, ластится. Бывали минуты, бобо гнал его в сердцах, мол, без тебя тошно. А однажды, было дело, чуть греха на душу не взял...

Известно, все надежды дехкánнина связаны с урожаем. Сулейман-ата в том году тоже с нетерпением ждал, когда созреет кукуруза. Его заработка едва хватало на покупку чая — пачка чая стоила очень дорого, а дед со старухой никак не могли обойтись без чая. Сулейман-бобо ещё весной решил отвоевать у болота небольшой клочок земли и засеять его

кукурузой. Всё-таки будет подспорьем. Сам окучивал, поливал, наперечёт знал, сколько початков на каждом стволе. Вместе со старухой они даже подсчитали, сколько снимут зерна, сколько из него намелют муки, сколько продадут на базаре.

Кукуруза росла неплохо, и старики жили надеждой. Но как-то на исходе лета старуха пришла с огорода в страшном гневе, кого-то проклиная. Увидев Корноухого, лежавшего под навесом в тени, она схватила кочергу и кинулась к нему.

— Ах, проклятый, чтоб ты издох, чтоб тебя кабаны задрали, изверг!

Сулейман-бобо удивился гневу жены — давно не видал её такой разъярённой.

— Ты в своём ли уме, старуха?! Что случилось? За что ты его?

— Всю кукурузу уничтожил изверг. Чтоб он провалился!

Корноухий, видно, чувствуя свою вину, бежал и оглядывался. Поняв, что его не догнать, старуха со злостью отшвырнула кочергу.

Сулейман-ата не поверил жене.

— Не может быть! Не кабаны ли нашкодили? — предположил он.

Ведь почти всю жизнь бобо охотился вместе с Корноухим, и подбитую дичь всегда подбирал пёс, но при этом не было случая, чтобы он позарился на добычу. А какие утки, фазаны, перепела, зайцы побывали у него в зубах! Нет, не может быть, чтобы эдакий пёс стал вдруг вороватым!

Сулейман-бобо молча направился к тугаям. Пробрался сквозь чащу тамариска и джиды, подошёл к кукурузному полю. Нет, кабанов здесь не было. Они бы с корнями выворотили кукурузу, всё растоптали бы да вмяли в землю. А тут другое дело. Стволы целы, а налитых початков как не бывало. Сорваны, точно руками человека. Но следов человеческих не

видно. Да и откуда здесь взяться человеку? Кроме старухи, никто тут не ходил. Вон как ясно отпечатались на мокрой земле следы её галош. Но рядом... ещё следы. Собачьи. Сулейман-ата мог отличить их среди тысячи других собачьих следов: они принадлежали Корноухому. Кровь прилила к голове. Стало трудно дышать. «Вот ты как подвёл друга, несчастный! А я верил тебе, точно самому себе! Обокрал своих кормильцев! Нет, это непростительно...»

Дед медленно побрёл домой. По дороге он чуть поостыл. Конечно, проще простого взъяриться на беспомощную тварь, но если прикинуть, подумать, то ведь не припомнишь, когда в последний раз накормили беднягу собаку досыта. Поневоле начнёт промышлять...

Дома старуха гремела посудой и продолжала клясть Корноухого.

— Да замолчишь ты или нет! — прикрикнул на неё ата.— Что бедняге делать, если голод мучает? Собака не человек, чтобы поститься, просить аллаха ниспослать ей сытую жизнь! Если хозяева не кормят, приходится самой позаботиться о своём желудке!..

Старуха виновато замолчала.

В тот вечер они легли не ужинавши, сердитые друг на друга. Дед почти всю ночь не спал. Он видел, как упала звезда, прочертив в небе яркий след. Поверье гласит: коль упала звезда, значит, оборвалась чья-то жизнь. А сколько их обрывается сейчас на фронте? Звёзды Эрали и Шерали уже погасли... Сколько ещё парней унесёт война, пока сломят проклятых фашистов.

Сулейман-бобо повернулся на другой бок, вздохнул. На заснеженных полях России властвует смерть, а тут... а тут какие-то кукурузные початки!.. Но с другой стороны, у них вся надежда была на эту кукурузу, иначе ведь пропадут с голода...

Подул ветерок. Невнятно зашумела листва деревьев, напомнив старику шорох обрываемых початков кукурузы. Бобо

беспокойно зашевелился, поднял голову — под ним скрипнули доски сури. Корноухий обычно в это время лежал под навесом, свернувшись в клубок, и спал неглубоким старческим сном. Сейчас его на месте не было.

Сулейман-ата тихо позвал его, боясь разбудить жену. Потом призывно свистнул. Ответа не последовало. «Может, пошёл поохотиться?» — с надеждой подумал дед.

Бывало, что пёс по ночам охотился на крыс и сусликов. Но это раньше, а сейчас уже силы не те.

Ещё до рассвета Сулейман-бобо был уже на ногах. Выпив наскоро пиалу-другую крепкого зелёного чая, он направился к плотине. Занялся делом, а сам всё посматривал, не появится ли Корноухий. Пока дед проверял уровень воды, щитки и дамбу, солнце забралось на вершину далёких гор. Решил сходить к кукурузному полю. Пошёл берегом реки, по каменистому, местами занесённому песком руслу. И лишь дойдя до сипавев, засыпанных тяжёлыми глыбами камней, повернул к зарослям тамариска и джиды. Он продирался через колючие кусты, отводя их руками, шёл, низко пригнувшись, чтобы не оцарапать лицо, а когда поднял голову, опять захолонуло сердце, опять вскипела в груди злоба. Сегодня с кустов исчезли последние початки! Ну что за наказание! Просто плакать охота.

Сулейман-бобо не мог заставить себя войти в кукурузник. Постояв немного, пошёл краем поля и тут вдруг наткнулся на Корноухого. Пёс лежал в неглубокой канаве под тенью джиды и жадно грыз початок кукурузы. Перед ним высилась ещё гора таких же початков.

Сулейман-ата остановился, поражённый. Он потерял дар речи: ведь если ему, проклятому, очень хотелось есть, мог сорвать початок-другой, а тут же целая гора, считай, весь урожай! И за неделю ведь не сожрёт! Что значит неразумное существо...

Вид старика, видно, и впрямь был страшен. Корноухий едва заметил его, кинулся бежать, бросив всю свою добычу.

— Ну, погоди, вор треклятый! — выдохнул дед в сердцах,

павший над водой. Сладковатая глинистая вода тотчас хлынула в горло, носоглотку, спёрла дыхание, на глаза наплыла темнота... Дед понял, что стремительно уходит ко дну. Но нет, вот он, глоток свежего воздуха! Словно кто-то выдернул его из воды на несколько секунд. Это жизнь!.. Надо держаться... работать руками, ногами. По лицу, по глазам бьют волны. Ещё камень впереди... Нет, удара не избежать... Искры из глаз. Всё вокруг пылает, горит красным огнём... Опять на дно... На этот раз... Но почему-то дна всё нет... Что-то... кто-то не даёт ему окончательно погрузиться в чёрную пучину, тащит, уцепившись за плечо. Кто бы это мог быть? Надо и самому помочь... стоит только напрячь волю... До берега близко, совсем близко...

Но ата потерял сознание ещё в воде. И когда открыл глаза, всё ещё был наполовину в воде. И она шевелила его беспомощно раскиданные ноги. У изголовья Сулеймана-бобо сидел Корноухий. С его шеи свисал обрывок верёвки. Без камня. «Как же он спасся?» — мелькнуло в голове старика, хотя он уже всем своим существом понял, что произошло. Ата поспешно закрыл глаза, тихо застонал: он не мог смотреть на собаку, которую хотел утопить. Жгучий стыд захлестнул его горячей волной...

Корноухий встряхнулся, осыпав хозяина ледяными брызгами, потом осторожно лизнул его щёку. Бобо открыл глаза. И не поверил себе: Корноухий смеялся. Смеялся от радости. От радости, что беда миновала и друг его жив, что он, старый пёс, помог ему спастись. Разве не порадуешься такому счастью?

Сулейман-ата отвернулся. Ему было не до смеха. Он плакал...

* * *

Под чинарой на какое-то время наступила тишина.

— Может, нарезать дыню или арбуз, а, гость? — проговорил вдруг Сулейман-бобо.

Тахир, погружённый в свои мысли, молча покачал головой. Он забыл, что уже ночь и дед не может видеть его жеста. Но бобо и без слов понял его состояние.

— Вот так-то, сынок, проучил меня Корноухий. Я хотел сделать ему зло, а он сделал мне добро. Никогда не забуду этой науки. Потом-то мы ухаживали за ним, как за родным ребёнком. Сами не ели, не пили, а его голодным не оставляли. И всё равно порой мне было стыдно взглянуть ему в глаза. Эх, да что тут говорить!.. Стоит раз сделать глупость, потом, глядишь, всю жизнь придётся краснеть... Ну, пора и спать, время уже позднее,— сказал Сулейман-бобо и встал с места.

...Разбудила Тахира перепёлка. Открыв глаза, он увидел висящую над самой головой клетку с тыквенным доньшком. В ней-то и прыгала солидная, неторопливая перепёлка, выводя свои рулады. Сердце Тахира захлестнула невыразимая радость. Он одним прыжком выскочил из постели, натянул брюки, сунул ноги в сандалии, обошёл двор, надеясь отыскать деда. Старика нигде не было, но Тахир с удивлением обнаружил, что везде — и на деревьях, и на балках навеса перед домом, и по краям шалаша, стоявшего посреди бахчи,— висели клетки с перепёлками. И все они, словно соревнуясь, отщёлкивали: «Ва-вак, ва-вак, пит-палак, пит-палак!» На разные голоса приветствовали нарождающийся день.

«Куда девался в такую рань дедушка? — недоумевал Тахир.— Удивительный он человек».

Тахир всмотрелся в возвышающуюся вдали плотину. Не видать деда.

Тогда парень решил сходить к реке, искупаться. «Может, там где-нибудь и встречу его».

Миновав большой сад, Тахир выбрался на лужайку. Далеко впереди расстилались тугаи. На краю их, в густой, высокой траве стоял бобо. Вот он низко пригнулся, отвёл назад руку, взмахнул. Веером полетела прозрачная шёлковая сетка, накрыла куст джиды. «Это он наверняка ловит перепё-

лок»,— догадался Тахир. И он побежал к тугаям, навстречу этому милому, доброму старому человеку.

Юноша бежал легко, быстро, рассекая грудью высокую, мокрую от росы траву, вдыхая чистый утренний воздух, и ему хотелось закричать во весь голос: «Ого-го-го, люди-и! Вы знаете, как это радостно — жить!»

СОБЕСЕДНИКИ

І. БЕГСТВО ХОДЖАМКУЛБИЯ ЗА СЫРДАРЬЮ

Шер ещё не учится и в садик не ходит. Сидит дома. С дедушкой. А папа и мама работают, иногда возвращаются очень поздно, а иногда и в командировки уезжают. Но Шер не скучает. Он всегда находит, чем себя занять — у него много всяких игрушек. Но больше всего Шер любит гулять с дедушкой. Правда, от дома до большой магистрали, куда они обычно ходят, каких-нибудь двести метров, но Шер с дедушкой к этой прогулке готовятся по-настоящему. Дед заранее приготавливает свой раскладной стульчик и подушечку, которую он всегда и везде подкладывает под себя, набивает насваем¹

¹ На с в а й, н а с — особо приготовленный табак, закладываемый под язык.

тыквенную табакерку. Шер тоже готовится основательно: наполняет карманы урюком, конфетами, орехами, даже яблок — одно-другое — возьмёт. Берёт он с собой на всякий случай и игрушку: красную пожарную машину или зелёный танк, из ствола пушки которого вылетают всамделишные искры. Закончив сборы, дедушка и внук запирают калитку, проходят коротеньким тупичком и попадают в переулок. Через десяток метров сворачивают налево, и вот он перед ними — проспект Навои. «Смотри-ка, рядом идут, рядом, как по линейчке!» — удивляется дедушка каждый раз, глядя на мчащиеся по проспекту машины: три ряда в одну сторону, три — в другую.

— Трёхрядное движение, — солидно поясняет Шер.

Вот они, держась за руки, доходят до цели своего путешествия — небольшого пятка на тротуаре, окружённого аккуратно подстриженными кустами. Здесь дедушка раскладывает свой стул, кладёт на него подушку, садится, опираясь обеими руками на палку. Шер пристраивается рядом.

— Вон, вон «Волга», «ГАЗ-24»! Видите, чёрная такая и длинная! — кричит Шер. Пока дед подносит руку ко лбу козырьком, автомобиль исчезает из виду.

— Бай-бай-бай! — качает головой дедушка. — Мчатся прямо как гираты!¹

Шер не знает, что это такое — «гират». Зато среди тысяч машин он запросто может различить «Волгу», «Чайку», «Жигули», «Москвича», «Запорожца». А дед их путает. Он очень долго жил в кишлаке, а там раньше машин было мало. Дедушка так долго жил в кишлаке, пока совсем не состарился. Потом у него умерла жена, которая приходилась Шёру бабушкой, и дед переехал в город к сыну. Сын дедушки — это папа Шера. Вот так.

Когда дед только приехал к ним, они почти каждый день выходили смотреть машины. Потом дедушка заболел. И теперь он и ночью и днём лежит на своей кровати. Даже умы-

---

¹ Г и р а т — сказочный конь.

вается, сидя на кровати: ставит на колени медный тазик, мама поливает ему на руки воду из глиняного кувшина, а Шер стоит рядом, держит полотенце наготове.

— Молодец, сынок,— говорит дедушка, забирая у него полотенце.— Дай бог тебе длинную и счастливую жизнь. И чтоб исполнились все твои мечты.

За одну только такую благодарность Шер готов каждые полчаса приносить деду полотенце. Но тот умывается, как и все, только два раза — утром и вечером.

Вечером все ужинают. Папа, если он дома, ставит стол впритык к кровати деда. Тот поворачивается к столу, садится, поджав под себя ноги. Он почти ничего не ест, только выпивает не спеша немного бульона. Ни мяса, ни картошки у него в чашке нет. Шер выуживает ложкой из своей чашки мясо пожирнее, с мозговой косточкой, протягивает деду. Может быть, забыли ему положить? Но дедушка отрицательно качает головой:

— Спасибо, внучек, ешь сам. Мне нельзя. Доктора запретили.

Дед очень любит Шера. Частенько пристально всматривается в него и бормочет про себя: «Ну до чего парень похож на меня, просто поразительно!»

«Что это он?— удивляется тогда Шер.— Как я могу быть похож на него? Он ведь вон какой большой да старый, такой старый, что согнулся пополам. А я маленький. Ещё даже в школу не хожу. И потом, у деда усы и борода белые-белые, а у меня ни бороды нет, ни усов».

У дедушки во рту всего два зуба. Они похожи на два подгнивших колышка. А у Шера... Обернувшись, мальчик глядится в зеркало, оттопырив пухлые губы. «Раз, два, три...— начинает он считать. Потом сбивается и решает: — А, и считать нечего — зубов у меня во рту полным-полно. Правда, небольшие, чуть крупнее рисинок. Но зато белые, как молоко, и целые. И так видно».

Шер снова поворачивается к дедушке. Он уже забыл, что

хотел возразить деду, сказать, что они вовсе не похожи друг на друга.

— Ешьте, дедушка, а то заболете,— говорит Шер.— Ешьте, пожалуйста.

— Нет, не могу,— отказывается дед.— Ничего не идёт в горло. Сам ешь.

Шер — малёнький, и у него всё проходит через горло. А у дедушки, хоть он такой большой, не пройдёт?! Мальчик смеётся. Потому что он вспомнил: однажды, давно, когда дедушка ещё жил в кишлаке, он приезжал к ним в гости и вот тогда за один присест съел две большие миски шурпы и почти целую баранью ножку.

— Неправда! — вскрикивает Шер.— А тогда, помните, вы съели целых два таза шурпы?!

Надо сказать, Шер ещё не отличает миску от таза.

Дедушка улыбается.

— Ну уж не два таза. Столько мог бы съесть, наверное, лишь Ходжамкулбий.

— А что это такое... хож... кулбий? Большой, да?

— Не что, а кто. Человек такой был, Ходжамкулбий. Слон не слон, но не меньше доброго верблюда был.

— О-ой, как верблюд?!

— Да, как верблюд. Был я такой же маленький, как ты, и жили мы тогда в Ичкенте...

— А где этот... Ичкент?

— Да как же ты не знаешь? Ичкент.— в Ичкенте.

— Ичкент — значит Ташкент?..

— Нет, Ичкент — это наш старый кишлак. Он расположен на высоком холме. Кишлак раньше был обнесён высокими стенами. По четырём сторонам — ворота. На ночь их запирали на запоры. По улицам ходили сторожа с трещотками. На крышах всех домов лежали груды камней, чтоб кидать их в разбойников, если те вздумают напасть на кишлак.

— Дедушка, а камни в разбойников кидал этот Ходжамкулбий?

— Ха! — усмехается дед. — Он хоть бы себя носил! Ходжамкулбю принадлежал самый большой каменный дом в Ичкенте. А у ворот лежал большой плоский камень. Для Ходжамкулбиа стелили на нём верблюжью кошму, и он лежал на ней с утра до самого вечера. Ему даже кушать подавали туда.

— Два таза шурпы?

— Э, сынок, ты думаешь, он ел одну только шурпу? Как бы не так. На него готовила целая дюжина поваров. Изощрялись как умели: и плов, и манты, и лагман, и кебаб, и самсы¹.

— И всего ел по два таза?

— Нет, не по два. Ты слушай, сынок, не перебивай, а то я забуду, что хочу сказать.

— Слушаю, слушаю, дедушка.

— Так вот, — продолжает дед, — я своими глазами видел, как слуги кормили его.

— А почему, он же не маленький, сам мог есть?

— У него был огромный живот — во-от такой. — Дедушка показывает руками, какой был у Ходжамкулбиа живот. — Когда он садился, как обычно мы сидим, по-турецки, — живот его лежал на ногах, туго натянув рубаху, да так, что она трещала, готовая вот-вот лопнуть по швам. Ходжамкулбий не только не мог дотянуться ложкой до таза с едой, но и не видел его, таза-то...

— Надо же! — воскликнул Шер.

— Да, сынок, это сущая правда. Мы, мальчишки, собирались на площади, напротив дома Ходжамкулбиа, чтобы поглазеть, как он ест.

— Вы и мне его покажете, а, дедушка? Ходжамкулбиа этого? Он же совсем как чудище из сказки!

— Показал бы, — усмехается дедушка, — да никак не смогу показать его тебе. Даже если очень захочу. Потому что он жил во времена Худайр-хана, до революции... И ещё то-

---

¹ Кебаб и самса — шашлык и слоёные пирожки с мясной начинкой.

гда, при Худаяре, люди отдубасили его палками и прогнали за Сырдарью.

— За то, что много ел?

— Не только за это.

— За что же ещё?

— Говорят, сытый голодного не разумеет. Я тогда был мальчишкой, а помню, как по Ичкенту носились люди с палками, кетменями и факелами. Они кого-то искали и все кричали: «Убежал, негодяй, скрылся!» Это, оказывается, говорили о Ходжамкулбие. Я потом всё узнал, когда вырос. Ещё я узнал, за что люди хотели его убить. Ходжамкулбий был помещником Ичкента. И у него были свои воины, своя стража. Однажды он решил приодеть своих приспешников и для этого обложил народ данью. Люди должны были сшить воинам всё обмундирование. Не лёгкое это было по тем временам дело — не у каждого и самому было что надеть. А тут? И достань материал, да скрой, да пошей. Одно добудешь — другого нет. Всё достал — шить не умеешь. Ужасно намаялись люди. А тех, кто не выполнил приказ, Ходжамкулбий велел выпороть на площади, при всём честном народе. Один из тех, кого порол, умер прямо на площади, не вынес побоев. Вот тогда-то и лопнуло терпение народа. Люди избили воинов Ходжамкулбия и кое-кого из его свиты, но до самого добратья не сумели. Ходжамкулбий успел переправиться через Сырдарью и скрыться за тугаями.

Шер слушает деда очень внимательно, но понимает не всё: зачем Ходжамкулбию нужны были воины, за что он велел пороть ни в чём не повинных людей?

Шер потирает слипающиеся глаза, зеваает.

— Дедушка, а дедушка...

— Спи, сынок, спи. Вишь как устал, на сегодня хватит.

Шер кладёт голову на колени деда и уже сквозь сон говорит:

— Вы сказали, что он ел два таза шурпы, а он не съел...

II. КАК ДЕД ОПОЗДАЛ В ШКОЛУ

Шер услышал, что кто-то зовёт его. Открыл глаза, насто-рожился. Это дед его звал. Шер слез с кровати и, не одеваясь, в одних трусиках и майке, пошёл к нему в комнату.

— Вы звали меня, дедушка?

Дед поднял голову с подушки.

— Разбуди брата, сынок, не то в школу опоздает,— ска-зал он. Потом строго поглядел на Шера: — А сам почему не собираешься? Опоздаешь ведь!

— Дедушка, я же в школу не хожу! — засмеялся маль-чик.— Я же ещё маленький.

— Ах да, я и забыл, что ты дошкольник.— Дед вздох-нул.— Память подводит. А я был не больше тебя, внучек, ко-гда начал ходить в школу. Может, и младше... не помню уж...

Шер ждал, что ещё скажет дедушка. А он молчал, гля-дел в потолок. Мальчик посмотрел туда же, но ничего не об-наружил: потолок как потолок. Только побелён известью. «А-а, он вспоминает, сколько ему было лет!» — догадался Шер.

— А один раз я даже опоздал в школу,— проговорил дед глуховато. Он всё ещё глядел в потолок.

Шер удивился: ведь по утрам, когда ни глянь, дедушка уже бодрствует.

— Опоздали? Не может быть, вы же раньше всех просы-паетесь!

— Это теперь.— Дедушка помолчал.— И тогда, правда, мы вставали ни свет ни заря. Но раз как-то случилось, я про-спал...

Дедушка немного помолчал, наверное, собираясь с мыс-лями.

— Как я уже сказал, все мы — от мала до велика — вста-вали ни свет ни заря. И каждому находилось дело. И мне, хотя я был ещё совсем маленьким. Не помню, что я тогда де-лал, но помню, уморился очень. Спал как убитый и не про-

снулся вовремя, чтобы пойти в школу. А мать моя, земля ей пухом, видно, пожалела меня, не стала будить: пусть, мол, поспит парень ещё немного. Она у меня очень добрая была, мама. Просыпаюсь я вдруг, вижу: день давно разгулялся. Меня будто ледяной водой окатили. Как теперь покажусь на глаза домуллы? ¹ «Вон отсюда, окаянный, чтоб я не видел твоей немойтой рожи!» — кричал он, когда, бывало, кто провинится. И за опоздания бил по пяткам розгами.

— А это очень больно, розгами по пяткам? — тихо, поёживаясь, спросил Шер.

— Больно. Но я не розог боялся. Хотя, впрочем, кому это приятно, когда больно? Но тогда я боялся, как бы меня не выгнали из школы. Плакал, упрекал маму, что не разбудила... не стал завтракать. А мама, бедняжка, до ворот бежала за мной с лепёшкой из джугары в руке, но я так и не обернулся, не взял лепёшки... До сих пор проклинаю себя за это.

— А в школе? Бил учитель по пяткам?

— Бил, сынок, да ещё как!

— И выгнал?

— Нет, выгонять не стал. А школу вскоре всё равно бросил: пришлось наниматься батраком, семье помогать.

— Я никогда не буду опаздывать в школу, — пообещал Шер, подумав. — А брат всё ещё спит? Вот даст ему учитель по пяткам, тогда узнает.

Дедушка засмеялся.

— Пойду разбужу его, — сказал Шер озабоченно.

— Иди, сынок, иди.

Через минуту по дому разнёсся крик Шера:

— Дедушка, а брат давным-давно, оказывается, ушёл в школу. Я думаю, он не опоздал. Успел даже молока согреть и выпить.

— Ну и ладно, ну и хорошо, — негромко отозвался дедушка.

---

¹ Д о м у л л а — учитель, наставник.

III. МЕЧТА МАЛЬЧИШКИ — КОРОВА

Громко сигналя, Шер гонял по комнате красную пожарную машину. Но тут его вдруг позвал дедушка и попросил подать кружку молока. Он всё ещё лежал в кровати.

— А молока нет,— ответил мальчик. Он точно знал, что сегодня дома молока нет. Ещё утром видел: бидончик из-под молока стоял на кухонной полке вверх дном.

— Как нет? — удивился дедушка.

— Тетя молочница не принесла,— терпеливо объяснил Шер.— Если бы она принесла, то позвонила бы в звоночек на калитке. Тогда мама вышла бы на улицу с бидончиком и купила молока. А потом, как уйти на работу, мама вскипятила бы молоко и поставила в холодильник. И кто хочет, тот брал бы и пил.

Дед слушал внука, озабоченно наморщив лоб.

— Длинная история,— сказал он недовольно.— А почему бы вам не купить корову?

Шер так и уставился на деда с открытым ртом: что ответишь на такое?

Вообще дедушка часто говорит такие забавные, иногда не совсем понятные вещи. Например, однажды он собрался в баню. Решил взять с собой и Шера. Баня была недалеко от дома, но по дороге им пришлось несколько раз останавливаться — отдохнуть. И уставал не Шер, а именно дедушка и почему-то очень злился. Тогда он тоже сказал: «А почему бы вам не купить ишака? На базар можно было бы ездить, в баню... Да мало ли ещё какую пользу принёс бы осёл?! И ездили бы мы с тобой вдвоём: я впереди, ты — у меня за спиной». Шер от души посмеялся, представив себя, как они трусят с дедом верхом на осле по проспекту Навои. А вечером всё-таки пристал к папе с просьбой купить ему ишака. Мальчику и вправду вдруг очень захотелось иметь ослика.

Просьба сына распотешила папу. Он так и покатился со смеху, а потом принялся пояснять с самым серьёзным видом:

«Видишь ли, Шер, мы живём в городе, правда, у нас свой дом и дворик, да и то потому, что живём в старой части города, которой тоже вскоре не станет. Где, ты считаешь, мы можем поместить осла? Во дворе? Там и курятника не поставишь. Погляди, вон мотороллер брата еле вмещается. Не устраивать же нам осла в гостиной или у меня в кабинете, правда? К тому же осёл — живое существо, его кормить надо. А чем будешь кормить? Бензином? За ним к тому же и уход нужен. Кто будет ухаживать? Брат учится, мы с мамой работаем, ты маленький, дедушка болен... Так что, малыш, придётся это дело отложить. Вот если бы мы жили в кишлаке...»

И Шеру тогда почему-то захотелось в кишлак, где он мог бы иметь своего ослика, на котором они бы с дедом катались вдвоём.

И сейчас он тоже подумал: «И правда, почему бы нам не иметь свою корову? Рогатую такую, и добрую...»

Дедушка расстегнул ворот рубахи, стал поглаживать себе грудь. Шер тотчас оставил свои игры, забрался на кровать, приложил руку пониже груди деда.

— Здесь болит? — спросил он. — И здесь?

Именно так всегда спрашивал врач.

— Да, здесь, — ответил дед, морщась.

Шер стал осторожно поглаживать грудь деда.

— Не полегчало?

— Немного полегчало... Вот если бы сейчас выпить парного молока — совсем стало бы легко... Парное молоко — оно, брат, лекарство от всех болезней.

Шер беспокойно заёрзал на месте, поглядывая по сторонам. Эх, всегда так получается: когда что нужно, то всегда именно того и нет. В доме постоянно было молоко, стояло и кисло, никто его не пил. А сейчас, когда дедушке так хочется, молока и нет. Вот придёт вечером мама, обязательно надо попросить, чтобы дома всегда было молоко. Для дедушки и для него, Шера. Он тоже теперь будет пить молоко. Каждый день. Утром и вечером. Потому что это очень полезно.

— Ты когда-нибудь коров пас, сынок? — спросил неожиданно дедушка.

— Нет. Никогда.

Конечно же, не пас. Шер и видел-то корову только раз в жизни. Это когда они ехали автобусом на Ташкентское море. Какая-то девочка вдруг закричала, захлопала в ладоши: «Ой, смотрите, смотрите, настоящая корова!» Шер приник к окну: корова паслась на зелёном лугу, помахивая длинным хвостом. Она была совсем оранжевая под лучами восходящего солнца, рога у неё были загнутые кончиками внутрь.

— А я пас коров, — сказал дедушка, весело улыбаясь. — Когда даже младше тебя был. Но поначалу у нас не было своей коровы. У всех соседей была, а у нас нет. Я ужасно завидовал приятелям. Ведь они каждый вечер выходили за околицу и там ждали возвращения стада. Не было дня, чтобы я не приставал к отцу: «Купи мне корову, купи!» Купил бы, тогда и я стал бы вечерами встречать свою корову, пригонять домой. Или сам бы пас её. Отец всё обещал, что купит, говорил, что и сам давно думает об этом, вот только надо немного подкопить денег...

Шер слушал деда внимательно. Он хорошо понимал того, маленького дедушку. Ведь Шер тоже не раз приставал к папе: купи машину, купи велосипед, купи автомат. А папа отвечал: «Купим, сынок, вот денег накопим и купим. Или если вдруг премию дадут».

— И однажды отец засобирился в город, на базар, — продолжал дедушка, — навьючил два мешка пшеницы на верблюдицу, у самой калитки помолился и зашагал, приговаривая: «Чох-чих-чих!» Это он так верблюдицу погонял. Проснулся я на другой день, а отец уже дома. Смотрит на меня и смеётся. «Проморгал, — говорит, — ты свою корову. Пока спал, её уже в стадо погнажи».

Я чуть не плакал от досады: так хотелось видеть нашу коровушку. И, понятное дело, весь день не знал, куда себя девать: с нетерпением ждал вечера, когда стадо пригонят с

пастбища. Самым первым прибежал на место, где обычно ребята разбирали своих коров. Никого ещё не было. Да и солдце пока стояло довольно высоко. Пришлось и здесь ждать. Часа два. Наконец собрались и другие ребята. Они поглядывали на меня с уважением. Вот, мол, и у него теперь есть корова. А я был горд необыкновенно. Подошло стадо. Стою, разглядываю самых упитанных, красивых коров с туго налитым выменем. «Вот эта, наверно, моя? Или вон та?» Разглядываю, а сам жду, когда пастух скажет: «Забирай же свою корову, чего смотришь! Но он молчит, а я — стою. Стал даже думать, не подшутили ли надо мной? И тут вдруг пастух указывает своей крючковатой палкой на ту из коров, что плетётся в самом хвосте стада: «Забирай свои мощи, чего рот разеваешь?!» Подбегаю к корове, смотрю — какое-то коричнево-грязное чудище. Глаза слезятся, все рёбра торчат, и кажется, что у неё все кости так и гремят, стучаясь друг о дружку. Но этого мало, у неё к тому же хвоста нет. Только куцый обрубок какой-то торчит сзади. Я заплакал. Мне было жалко и себя и несчастную корову. Ведь теперь ребята житья мне не дадут. Засмеют до смерти. Погнал я корову в поле и просидел там до темноты. Мал был да глуп, не знал, что и за эту корову отец выложил все свои сбережения, продал на базаре почти весь годовой урожай пшеницы...

Шеру стало очень-очень жалко маленького дедушку. Конечно, нет ничего приятного, если все смеются над тобой и твоей коровой, все дразнятся. Шер это знает по себе. Подобрал он как-то на улице котёнка. Тот весь мокрый, дрожит и жалобно мяукает, озираясь по сторонам. А ребята тут как тут. Увидали у него в руках котёнка, запрыгали, закричали на все голоса: «Смотрите, какое у Шера чудище: хвост и кости, ни дать ни взять — кощей!»

Кому приятно такое слышать?! Но Шер всё равно принёс котёнка домой, вымыл его в ванной, напоил молоком, устроил на подстилке. А на другой день котёнок уже носился по дому как угорелый.

— Накормить надо было вашу корову,— произнёс Шер вслух.— Целый этой... травы мешок дать.

— Ты о чём, сынок?

— Да о корове вашей. Сразу бы поправилась и стала бы не такой страшной.

— А-а,— протянул дедушка.— Очень уж стара она была, сынок. И не могла уже поправляться. Но всё же молоком нашу семью обеспечивала голубушка. В голодный-то год она нас и спасла. И я уже больше не стеснялся, что рёбра у неё выпирают, да и ребята не смеялись. Они тоже всё понимали...

IV. ЗА ОДНУ ТАНЬГА...

Шер зашёл к деду с небольшой ярко-жёлтой дыней в руках. Услышав шаги, тот медленно открыл глаза, взглянул в лицо внука, потом на дыню. Губы деда тронула мягкая, ласковая улыбка.

— Кукча. Предвестница дынного сезона,— проговорил он тихо.— Хороший сорт.

— Хотите, кусочек отрежу? — спросил Шер. Мальчик по своему понял взгляд и слова деда. Откуда ему было знать, что дедушка, глядя на этот отсвечивающий золотом плод, видит своё далёкое детство?

— Хотите, отрежу? — повторил Шер.

Дедушка тихо покачал головой.

— Ешь сам, сынок. Мне она ни к чему.

— И вы тоже. Папа завтра ещё принесёт,— настаивал Шер.

— Не хочу, родной. Да и нельзя мне. А этих кукча и хандаляков я поел много. Когда был маленьким.

— У вас росли дыни?

— Видимо-невидимо и разные-разные. Нежились в листьях, как камни в реке.

— Вот это да-а! — удивился Шер.— И большие тоже бы-

ли? Вот такие? — Шер раскинул руки, чтобы показать какие, и чуть не уронил свою кукчу.

Дедушка сел на кровати и слегка подался вперёд.

— Иногда, чтобы сократить путь в школу, я шёл не по улице, а напрямик — через поле, мимо нашей бахчи. Не раз бывало: гляну на бахчу и ноги словно прирастают к земле.— Дедушка закрыл глаза, закусил губу и покачал головой, шутливо изображая, как он не мог равнодушно пройти мимо дынь, тех самых, что были, как камни в реке.

Шер засмеялся.

— И что потом?

— Потом? Потом я шёл от грядки к грядке, от дыни к дыне. И никак не мог остановиться: одна казалась краше, слаще и сочнее другой. А ведь кругом ещё роса. В школу я приходил по колено мокрый.

— Дедушка, а вы бы не длинные штаны, а шорты надевали.

— В те времена таких штанишек не было, сынок. Ходили мы всё больше босиком, в белых длинных штанах из домотканой хлопчатобумажной ткани. И рубаха тоже белая. Но дело не в этом. Ты слушай про дыни-то.

— А в школу вы не опаздывали оттого, что ходили по бахче?

— Я же тебе говорил, что за все годы опоздал только один раз.

— Да, да, помню.

— Так вот, штаны мокрые, ноги синие, весь дрожу, а уйти с бахчи не могу. «Съешь меня и меня!» — словно бы кричали дыни. И вот решусь наконец, схвачу дыню-шакарпалак, вся в сеточку, и тяну к себе. А она вдруг — ба-ах! — взрывается у меня в руках, как бомба!

— Да ну? — Шер даже подпрыгнул на месте от восторга.— Дыня — как бомба!

— Да, да! До того налилась соком, что взорвалась от прикосновения. Белая внутри, сахаристая, а семена ярко-жёлтые.

Ну что с ней делать? Есть, конечно. А сколько я мог съесть? Кусок, другой, и всё.

Шер проглотил слюну.

— Очень была сладкая?

— Очень.

— Как сахар?

Дедушка покачал головой:

— Вкус дыни ни с чем не сравнить. Ни с сахаром, ни с мёдом. И у каждой свой особый вкус, своя сладость. Это зависит от сорта.

Дед вздохнул. Он уже снова лежал на подушке. Устал, видно, и говорил уже тише:

— Бывало и так: сорву кукчу, вот такую, как у тебя, или чуть поменьше, брошу в мешочек, в котором носил свои книжки и тетрадки, и бегом в школу. Срывал без выбора, а всё равно были сладкими.

Между тем Шер уже начал разрезать дыню. Дедушкин рассказ подзадорил его.

— Смотри, будь осторожен,— предупредил дедушка.— Дай я тебе порезу.

— Вы лежите, я сам.

Первый ломтик, отрезанный вкривь и вкось, он протянул деду. Тот опять отказался, но мальчик уговорил его. Потом спросил:

— Сладкая? Как те ваши кукчи?

— Сладкая,— кивнул дедушка.— Ты ешь, сынок, но будь поаккуратнее, а то, видишь, сок на рубашку капает.

Шер положил дыньку на поднос, стал отрезать небольшие дольки и есть. Дед с удовольствием наблюдал за ним.

— Еще хотите, дедушка?

— Нет. Больше не могу, сынок. Нельзя мне.

Шер понимающе кивнул. Потом, видно, что-то подумал, внимательно посмотрел на деда.

— Вы говорите, у вас было много-много дынь?

Дедушка кивнул.

— И вы все съедали сами?

— Ну что ты, сынок,— улыбнулся дедушка.— Все мы бы не смогли съесть, если бы даже очень захотели. Да и нельзя...

— Почему нельзя? Дыни ведь были ваши!

— Наши-то они наши, но одними дынями сыт не будешь. Поэтому мы их продавали. Помню, как-то отец набил целых четыре мешка самыми лучшими, спелыми дынями, погрузил на верблюда и отправил меня на базар. «Приедешь,— сказал,— разыщи Эрмата-бакалейщика. Скажи, что я тебя прислал и просил за дыни заплатить по совести».

Дед замолк и указал Шеру на полотенце — тот уже хотел было вытереть руки об штанишки.

— У одногорбого верблюда, на котором ехал я, голова была с аршин, а шея — так целых три аршина, такая громадина. Груз тоже был под стать. Четыре мешка дынь да ещё я, а ему хоть бы что. Трусит себе, трусит. Все ручьи да речки одним прыжком одолевает. Ну, домчались мы с ним до базара. Разыскал я Эрмата-бакалейщика — он сидел у своей лавочки, кругленький такой, гладкий. На лице сладкая улыбка. Увидел меня бакалейщик, засуетился, пыль стряхнул с моей штанины, озабоченно поинтересовался, не устал ли я, хорошо ли доехал. Вот, думаю, какой хороший человек. Не зря, выходит, верблюд спешил, ведь одно это уже счастье — увидеть такого человека! Вон он как приветствует меня: «Дай бог здоровья твоему отцу, истинному дехканину! И ты молодец, что не поленился, привёз дыни. А то я уже думал, куда это запропастились мои поставщики? Давай-ка, мальчик, снимем мешки, одному мне не справиться».

Сгрузили мешки. А я между делом и говорю: «Отец просил вас заплатить за дыни по совести».— «Ну как же,— отвечает добренький Эрмат-бакалейщик.— Только по совести. Всё по совести, как сам аллах велит!»— Тут дедушка грустно улыбнулся и покачал головой: — Свалили мы дыни в кучу, и лежат они, родимые, как целая гора солнц. А лицо Эрмата-добренького, наоборот, всё сереет, хмурится, точно осеннее

небо тучами затягивается. «Так, так,— приговаривает он, семеня вокруг дынь.— Ага, понятно, так я и знал. Каждый старается обжулить бедного Эрмата и при этом ещё про совесть говорит! Ну скажи-ка, парень, и не стыдно было твоему отцу посылать мне такую зелень?»

Я поглядел на дыни. Лежат одна лучше другой, как на подбор. И все самых лучших сортов: амирий, шакарпалак кукча — каждая с добрую лошадиную голову и, я точно знал, такие сладкие, что от сока язык растрескивается.

И говорю этому Эрмату: «Дядюшка бакалейщик, зачем вы так? Отец выбрал для вас самые лучшие дыни, какие только у нас были!» — «Если эта зелень — самое лучшее, представляю себе, как выглядят плохие! — заорал Эрмат-добренький.— И потом, как ты смеешь — сам от горшка два вершка — так непочтительно разговаривать со старшими! — Он перевёл дух и говорит:— Можешь забирать свои дыни и катиться отсюда».

Бакалейщик, конечно, прекрасно знал, что деваться мне некуда. Никакой другой перекупщик со мной и разговаривать не станет. Ведь между ними сговор — чужого поставщика не отбивать.

Мне оставалось одно: или везти дыни обратно, в кишлак, или унижаться перед этим жуликом. Видя мою нерешительность, Эрмат-бакалейщик порылся в кармане и нехотя так говорит: «Ладно уж, возьму твою зелень. На, отцу передашь. Вот так всю жизнь страдаю из-за своей доброты. Благодарн аллаха, что пожалел тебя и труды твоего отца, истинного дехканина».

Что было делать? Взял я деньги и поехал домой. И всю дорогу желал доброго здоровья и бодрого духа добренькому дядюшке бакалейщику Эрмату, будь он проклят...

Шер не обратил внимания на горькую усмешку деда.

— Не добрый он, а злой,— сказал мальчик решительно.— И сколько он вам заплатил, дедушка?

— Дал мне одну таньга́.

— А что это — таньга?

— Монетка такая была. Вот как нынешняя рублёвая монета.

— И это за столько дынь? — изумился Шер. — Злой бакалейщик, нехороший.

— Вот так-то, мой мальчик! — Дед погладил внука по голове. — Отец мой, земля ему пухом, долго глядел на монетку, и лицо его сделалось серым и беспомощным. За все его труды и хлопоты всего одна таньга.

— Дедушка, а я видел верблюда! — вдруг вспомнил Шер. — Да, он очень большой. Каждое копыто — вот как этот поднос! Я его видел в зоопарке, куда мы ходили с папой. И рот у него тоже большой-большой. И шипел он вот так: «Боф-ф, боф-ф!»

— А верблюды, знаешь... — Дедушка не закончил, побледнел, схватился за сердце.

— Опять болит?

— Опять, — кивнул дедушка и ласково улыбнулся. — Сейчас пройдёт.

v. юность дедушки

— Шер! Эй, Шербёк! — позвал дед внука. — Где ты, сынок?

— Я здесь, — откликнулся Шер.

— Что делаешь?

— Дело делаю.

— Какое дело?

— Обыкновенное. — Шер вошёл в комнату деда. В руке он держал лист бумаги.

— Работу, значит, нашёл себе, сынок? Молодец, молодец.

— Вот, смотрите, какой я самолёт нарисовал. И лётчик в кабине сидит, видите? А отсюда газ вылетает, потому что самолёт реактивный! Ры-ы-ы-ы-ы! — Шер закружился по комнате. — Ры-ы-ы-ы!

— Подожди, сынок. Достань-ка мою палку.

— Вот она.— Шер подал деду палку.

— Спасибо, сынок.

Дед накинул на плечи узорчатый халат. Шер помогал ему идти — держал за руку. Они остановились на крыльце.

Несмотря на позднюю осень, солнце ещё хорошо пригревало. Дул приятный ветерок. Дед подставил лицо солнцу и закрыл глаза. Казалось, он что-то вспоминает. Ветер тихо шевелил его седую бороду, ласково обвевал лицо.

Когда дед открыл глаза, в них блестели слёзы. Шер испугался:

— Дедушка, вы плачете? Опять болит?

Дед покачал головой:

— Нет, не болит. А плачу я от радости. Погляди, какая вокруг красота!

Шер посмотрел. На голубом небе полыхает оранжевое солнце. Во дворе виноградник. Листья его медно-красные, среди них тёмно-красные гроздья, припудренные пылью. Под солнцем искрится каждая ягодка, как драгоценный камень. Чуть подалее, у калитки, — яблоня. Она словно присела под тяжестью урожая. Под яблоней — мотороллер без заднего колеса. Видно, брат задумал ремонт.

— Дедушка, хотите винограду?

— Нет, спасибо.

— Может, яблоко сорвать?

— Чем же мне грызть-то его, сынок?! Скажи-ка лучше, не ты ли посадил эту яблоню?

— Папа говорит, тут росла, когда меня ещё на свете не было.

— А-а, значит, папа посадил.

— Я тоже посадил деревцо, на улице, возле арыка.

— Вот это прекрасно, сынок. Молодец.

— А весной ещё и лимонную косточку посадил, но потом потерял место. Может, она и выросла, правда ведь, дедушка? Или из косточки ничего не получается?

— Вырастают отличные деревья. Просто их надо ещё привить. Наш сад, например, тот, что был в кишлаке, выращен из косточек. А прививку делал я сам. Хоть за сто вёрст, бывало, съезжу и привезу веточку для прививки — урюка, яблока, персика, черешни...

Дедушка замолчал, потом вдруг тихонько засмеялся. Шер поднял голову: дед смотрел на него и смеялся.

Шер снял тибетейку, оглядел её: быть может, пролетала какая-нибудь птичка и... это самое? Нет, тибетейка чистая, никаких следов. Так чему же смеётся дедушка?

Он опять глянул на деда. Тот по-прежнему смотрел на внука, но, казалось, не видел его.

Шер затормозил деда:

— Что вы смеётесь?

— Где стул?

— Сейчас принесу.

— Мне надо сесть, а то коленки уже дрожат.

Шер убежал и тотчас вернулся со стулом. Дедушка сел.

— Теперь скажите, почему смеялись?

Вместо ответа дедушка задал странный вопрос:

— Скажи-ка, Шербек, тебе когда-нибудь приходилось красть черенки деревьев?

Шер опешил. Посмотрел на деда, хлопая глазами. Думал, что ослышался. А тот всё ещё посмеивался, хитро прищурившись.

— Воровать — плохо! — веско заявил Шер. — Воровать нельзя. А что такое черенки?

— Черенок — это веточка. Она идёт на прививку. И я однажды украл такую веточку.

Вот это да! Дедушка — вор! Шер представлял себе воров и грабителей совсем иными: с длинными усами, одноглазыми, с хриплым голосом! А в руках нож, кривой и острый, как сабля. Ну а дедушка, какой он вор? И ходит-то еле-еле. И вообще такой добрый...

— Да, украл, — повторил дедушка. — И большим грехом

это не считаю. Хотя, конечно, я согласен с тобой, Шербек, что воровать нельзя. Но так уж вышло, что пришлось пойти на такое.

Дедушка помолчал, опять улыбнулся.

— Эх, молодость! — Он почесал затылок, лихо сдвинув тюбетейку на лоб. — Как, думаешь, дедушка в воры записался? Вот слушай, внучек. Самый большой сад в нашем кишлаке был у Абдулазиза-ходжи. Потом-то этот сад стал колхозным. Ты не видел его? Ну да, не видел. Когда будешь в нашем кишлаке, обязательно сходи посмотри. Это чудесный сад. Как ботанический. Каких там только нет деревьев — и наших, и заморских. Так вот, в самом конце этого сада росли два вишнёвых дерева. Бай-бай-бай, ох, какие крупные ягоды они приносили! Каждая вишенка с грецкий орех, не меньше. А цвет, что твой яхонт, так и горели в зелени листья.

— И вкусные?

— Вкусные. Но попробовал-то я их потом, когда... Да ты слушай по порядку. Кишлак наш богат садами. Хорошей вишней никого не удивишь. Но эта была чудо: такой у нас никто не видывал. Абдулазиз-ходжа привёз черенки своей вишни из Мекки, куда ездил на поклонение святым. Бывало, сойдутся два садовода-любителя — только и разговоров о вишнях Абдулазиза-ходжи. Кто только не просил у него черенка для прививки — не давал. Коня ему предлагали взамен, верблюда, золота — не давал. Жадюга был страшный. Он не только черенки, но и косточек жалел. Боялся, что заморская вишня распространится по краю и люди перестанут удивляться его вишням. И позабудут, что он в Мекку ездил, ходжой стал. Ужасно был хитрый и жадный.

— Ненавижу жадных, — сказал Шер.

— А кто их любит? — улыбнулся дед. — О жадности Абдулазиза-ходжи целые легенды ходили. Рассказывали, пошёл он однажды в мечеть к вечерней молитве, да по дороге вспомнил, что забыл лампу погасить в михманхане¹. Повернул

¹ М и х м а н х а н а — гостиная.

Абдулазиз назад и бегом домой. Добежал, а калитку не открывает, стоит на улице и дочку зовёт. Калитку не отворяет, чтобы петли не стирались. Вышла дочка, тоже встала по ту сторону калитки — не открывает её — и спрашивает, в чём дело. «Ты знаешь, сколько стоит фунт масла? — кричит ей отец. — Сейчас же погаси лампу в михманхане!» — «Я давно уже погасила, — отвечает дочь, — зря вы вернулись, батюшка, зря протирали подошвы галош». — «Не беспокойся, дочка, я их в руках нёс», — говорит ходжа.

— Ну и ну! — удивился Шер. — Взрослый человек, а босиком по улице бегал!

— Вот таким жадным был Абдулазиз-ходжа, сынок. А ты спрашиваешь, пробовал ли я его вишен. Нет, конечно. Пока сам таких же не вырастил. А как вырастил? Дело было весной. Снег уже сошёл, почки набухли. Самое время прививку делать. Ну погоди, думаю, жадина, ты меня запомнишь. Залез я глубокой ночью через забор к нему в сад. Было ужас как темно, но я хорошо помнил, где растут вишни. Подкрался, нарезал целую вязанку веток да той же ночью обошёл всех знакомых садоводов и раздал черенки. Сам тоже привил у себя в саду к дереву алычи. Прошло несколько лет, и вдруг весь кишлак ест диковинную, заморскую вишню. «Где взяли? Неужто Абдулазиз-ходжа расщедрился?» Только посмеивались: «Сами вырастили. Спасибо одному сметливому малому».

Дед помолчал и, хитро прищурившись, добавил:

— Вот какой грешок значится за твоим дедом, внук. Но думаю, бог простит. Люди-то ведь простили.

— А Абдулазиз?

— О, ходжа чуть не лопнул от злости. Взял и срубил в ярости все свои вишни. Вот как.

— Значит, в том саду, колхозном, теперь нет таких вишен?

— Как нет?! Полно. Но эти деревья уже мы сами сажали. Колхозники.

Собрался Шер пойти во двор. Только подошёл к двери веранды, остановился как вкопанный. К маленькой пичужке, которая пила воду из почти высохшего арыка, подкрадывалась кошка — большая, пятнистая, как тигр, глаза горят. Птичка, ничего не подозревая, спокойно пила воду, а кошка была уже в трёх-четырёх шагах и готовилась к прыжку.

Шер растерялся. Он не знал, что делать, что предпринять. Переводил взгляд с кошки на птицу и машинально спускался по ступенькам вниз. Вот он уже на земле. Сделал два шага в сторону птички. И тут кошка молнией метнулась вперёд. В воздух взвились перья. Птица жалобно чирикнула.

От испуга Шер закрыл глаза. А когда что-то ударилось о его грудь, он закричал:

— А-а! Де-ду-шка!

Со стуком распахнулось окно, показалась голова деда.

— Что случилось? — крикнул он.

Шер начал приходить в себя.

— Это... кошка... птичку!..— бормотал он и вдруг с удивлением обнаружил, что птица висит на нём, крепко вцепившись когтями в рубашку.— Вот она!

Шер взял её в руки. Она вся дрожала. Не меньше трясло и самого Шера.

— Убирайся вон! Сейчас я тебя! — крикнул он на кошку, которая издали наблюдала за ним.

Кошка в один прыжок перемахнула через забор и была такова. «Что же я раньше не крикнул? — подумал мальчик.— И ничего бы не случилось. Или бы кошка убежала, или птичка улетела бы...»

— Ох и напугал же ты меня! — сказал дедушка с лёгким укором.— Ладно, иди домой.

И отошёл от окна. Шер вошёл в комнату. Дедушка уже лежал в постели.

— Ну что там случилось? — спросил он у внука.

— Да вот кошка чуть птичку не съела.

Шер хотел было добавить, что это он спас птицу, но вовремя прикусил язык. Вспомнил, что в минуту опасности потерялся, не догадался даже крикнуть. Папа всегда говорил ему: «Кто хочет вырасти смелым и честным, тот никогда не лжёт». А разве Шер не мечтает вырасти смелым и честным? И он рассказал деду всё, как было.

— Видишь, какое дело,— сказал дедушка, выслушав его.— Хотя ты не успел помочь птице, но она поняла, что ты — единственное её спасение. И прилепилась к тебе. Так что ты сделал доброе дело, сынок.

Дед взял птицу в руки. Осмотрел со всех сторон:

— Э, сынок, да это же, оказывается, ласточка! Бедняжка, как она отбилась от стаи? — Он расправил ласточке крылья: — Ах вон что, крыло у тебя сломано, миленькая. Теперь понятно, почему ты не смогла вовремя улететь со всеми своими в тёплые края. И чуть не угодила в лапы кошке-злодейке.

— Дедушка, что вы с ней разговариваете? Она же вас не понимает!

— Почему не понимает, сынок? Доброе слово все понимают: и птицы, и животные, и даже букашки-таракашки. А тут у нас лас-точ-ка! — Дед произнёс последнее слово по слогам: «лас-точ-ка». — Прозваньё-то какое ей люди дали, а? Это самая добрая птица на земле. Есть даже легенда, что ласточка спасла человечество от гибели.

— Знаю, знаю! — закричал Шер, вспомнив сказку про осу и ласточку. — Оса летела к дракону донести, что самое вкусное мясо — человечье, а ласточка остановила её в пути...

— Тише, сынок, тише. Я ведь не глухой.

— А потом ласточка спросила осу, куда она так спешит. Оса ответила: «Дракон велел мне разузнать, чьё мясо самое вкусное. Вот я узнала и лечу сказать ему». — «И чьё же, по-твоему, мясо вкуснее?» — «Человечье», — ответила оса. «Неужели? — притворилась ласточка удивлённой. — Вот бы мне тоже попробовать! Знаешь что? Вкус этого мяса, наверное, ещё со-

хранился у тебя на языке, высунь его, дай мне лизнуть, может, распробую. Ну пожалуйста!» Оса согласилась и только высунула язык, как ласточка — цап! — выклевала его. Чтоб оса вообще не могла говорить и не донесла бы дракону, чьё мясо вкуснее. С тех пор оса немая. Только зудит: «З-з-з-з!» Видите, дедушка, я помню вашу сказку.

— Молодец, сынок. Ласточка да и вообще многие птицы — друзья человека. Они охраняют сады, поля, огороды от разных вредных насекомых. Ещё они украшают природу.

Шер знал, что в спасении ласточки его заслуги нет, но всё равно похвала деда была приятна. Но особенно приятно то, что ласточка жива. Вот бы только крылышко ей вылечить.

И стал Шер с нетерпением ждать брата из школы. Наконец тот пришёл. Шер рассказал ему про случай с ласточкой. Даже сказку про осу и ласточку поведал. Брат усмехнулся.

— Хватит, брат, заливать. Ближе к делу. Твоего пернатого друга надо отнести к зооветеринару, не так ли? Так за чем дело стало, давай его, отнесу!

Потом брат ещё несколько раз носил ласточку к доктору на перевязку. Дней через десять ласточка уже могла перелетать от окна к кровати, а оттуда — на плечо Шера. Дед и внук с удовольствием слушали её щебет. Их радовало то, что крыло у птицы заживает.

— Бай-бай-бай,— восторженно поцокал как-то языком дедушка.— В прежние времена пустячная болезнь уносила человека в могилу. И люди смиренно говорили: «Бог дал — бог взял». А теперь доктора лечат людей, лечат животных, лечат птиц. Смотри, как заживили крыло — летает ласточка наша, будто и в беду вовсе не попадала. И человека от любого недуга вылечивают.

— Дедушка, если доктора такие хорошие, значит, они вылечат и вас,— сказал Шер.

— Твоими бы устами да мёд пить, сынок! — Дедушка провёл руками по лицу.

А ласточка, словно соглашаясь со словами Шера, вдруг

вспорхнула, дала круг по комнате, едва не касаясь потолка, потом опустилась на плечо своего нового друга. Шер осторожно взял её в руки. Ласточка не билась и не тревожилась. Она точно знала, что этот маленький мальчик и седобородый человек ничего плохого ей не сделают.

— Я думаю, сынок, пора её выпустить,— проговорил дедушка тихо.— Пусть догоняет своих, пока не поздно.

Признаться, Шеру было жалко расставаться с ласточкой. Он привык к её щебету, часами мог наблюдать, как она кружит по комнате.

— Ну-ка, сынок, помоги мне встать,— попросил дед, спуская ноги с кровати.

Шер подбежал, пододвинул дедушке шлёпанцы, подал палку.

— Спасибо. Ну, веди, сынок,— сказал дед. Они заковыляли к двери.— Может, ты прав, сынок, может, я тоже расправлю крылья, как твоя ласточка.

Шер улыбнулся. Дед мало походил на ласточку в своих белых штанах и рубахе, с белой бородой, закрывающей почти половину груди.

Они остановились на террасе. Дед опёрся рукой о подоконник и воззрился куда-то вдаль.

На ветках урючины в соседнем саду повисло солнце, похожее на пылающее медное блюдо.

Шер сбежал по ступенькам вниз, сгрёб левой рукой горсть таких же, как солнце, оранжевых листьев. В правой он держал ласточку. Вернулся обратно к деду. Тот по-прежнему стоял, опираясь о подоконник, и глядел вдаль. Что он такое там увидел? Шер тоже посмотрел туда. Ничего особенного. Соседский урюк. Его мальчик видел тысячу раз. Сквозь оголившиеся ветки светит солнце. Чуть пониже — жестяная крыша. Из трубы на крыше тянется вверх бело-сизый дымок.

Шер почувствовал, как до волос его коснулись пальцы деда. Мальчик обернулся.

— Отпусти ты ласточку, сынок,— ласково попросил де-

душка.— Что, если у неё есть мама и она ищет её, не улетает в тёплые края? А им же надо спешить, зима ведь скоро.

По спине у Шера побежали мурашки. Он представил себе зимнюю стужу, голодных, озябших воробьёв.

— И правда,— прошептал мальчик и сам не заметил, как высунул руку в открытое окно, разжал пальцы.

Ласточка зашуршала крыльями, радостно чиликнула и взмыла ввысь. Вот она пролетела над оголёнными ветвями урючины, стрелой понеслась прямо к солнцу.

— Лети, милая, лети! — сказал дедушка, глядя ей вслед.

— Дедушка! — позвал Шер.

Но дед словно не слышал его, всё повторял:

— Лети, милая, лети! Расскажи всем, кого встретишь на своём пути, о добрых руках, которые вернули тебя к жизни.

— Ну, дедушка!

— Что, сынок?

— Как вы думаете, ласточка не забудет меня?

— Нет, сынок, не забудет,— ответил дедушка, прижимая к себе внука.— Доброты никто не забывает. Даже птицы.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТУРТКОЗА

I. «Мал ты ещё, сынок!» — сказала мама	4
II. Толстая верёвка, железный кол и тесная клетка . . .	13
III. Опасаясь дождя, попал под град	20
IV. И это называется «добро»!	24
V. Преждевременная радость	28
VI. Прощай, Тургун!	32
VII. Один на один!	37

СУЛЕЙМАН-ОХОТНИК И ЕГО ДРУЗЬЯ

I. Когда человек не чувствует старости	46
II. Да, собаки тоже плачут...	64
III. О том, как собаки смеются	74

СОБЕСЕДНИКИ

I. Бегство Ходжамкулбия за Сырдарью	84
II. Как дед опоздал в школу	90
III. Мечта мальчишки — корова	92
IV. За одну таньга...	96
V. Юность дедушки	101
VI. Лети, ласточка, лети!	106

Для младшего школьного
возраста

Суннатулла Анарбаев

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТУРТКОЗА

Повести

ИБ № 661

Ответственный редактор

Р. Д. Кафриялиш

Художественный редактор

И. Г. Найдёнова

Технический редактор

В. К. Егорова

Корректоры

Е. Б. Кайрукшис и Е. И. Мартынова

Сдано в набор 28/XII 1976 г. Подпи-
сано к печати 4/IV 1977 г. Формат
60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Печ. л 7.
Усл. печ л. 6,51. Уч.-изд. л. 5,35. Тираж
100 000 экз. Заказ № 4862. Цена 32 коп.
Ордена Трудового Красного Зна-
мени издательство «Детская литерату-
ра». Москва, Центр. М. Черкасский
пер., 1. Ордена Трудового Красного
Знамени фабрика «Детская книга» № 1
Росглавполиграфпрома Государственно-
го комитета Совета Министров РСФСР
по делам издательства, полиграфии и
книжной торговли. Москва, Суцёвский
вал, 49.

Анарбаев С.

А64 Приключения Турткоза. Повести. Пер. с узб.
Э. Умерова. Рис. А. Мелихова. М., «Дет. лит.», 1977.

111 с. с ил.

Три повести из жизни современных узбекских ребят.

А $\frac{70802-324}{M101(03)77}$ 310—77

С(Узб)2

Цена 32 коп.

С
А
17